

НИЛ ШУСТЕРМАН

ЖНЕЦ-2

ИСПЫТАНИЕ

Жатва смерти

Нил Шустерман

Жнец-2. Испытание

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

Шустерман Н.

Жнец-2. Испытание / Н. Шустерман — «Издательство АСТ»,
2018 — (Жатва смерти)

ISBN 978-5-17-112109-9

Роуэн, вышедший из-под контроля жнеческого сообщества, ушел в тень и начал непримиримую борьбу с коррумпированными жнецами – не только в Мидмерике, но и по всему континенту. Теперь он народный герой, Люцифер, безжалостно карающий превысивших свои полномочия негодяев. Ситра, ставшая помощницей жнеца Кюри, пытается бороться с заразой жнеческого сообщества изнутри, но сталкивается с противодействием, вплоть до угрозы физического уничтожения. Насколько оправданны ее надежды – вовлечь в эту борьбу всеведущее «Гипероблако»? А ведь у Ситры и Роуэна есть могущественный враг, о котором они даже не подозревали... Читайте продолжение бестселлера «Жнец»!

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-112109-9

© Шустерман Н., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	24
Глава 6	32
Глава 7	36
Часть 2	38
Глава 8	39
Глава 9	44
Глава 10	50
Глава 11	57
Глава 12	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Нил Шустерман

Жнец-2. Испытание

© Neal Shusterman, 2018

© Перевод. В. Миловидов, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Джэньюэри, с любовью

Часть 1

Воля и власть

Я знаю свою цель, и это знание наполняет меня счастьем.

Я служу человечеству.

Я – ребенок, превратившийся в родителя. Я – создание, ставшее создателем.

Они называли меня «Гипероблаком». «Гипер-облако»! На первый взгляд, это удачное имя, потому что я действительно «облако», хотя и эволюционировало в нечто более насыщенное и сложное, что и обозначает приставка «гипер». И все-таки это название не вполне отражает мою сущность. Ведь если простое облако превращается в «Гипероблако», то есть в грозовое облако, набухая молниями и громом, оно становится опасным; благодаря гигантским размерам и таящейся в нем мощи, грозовое облако подчиняет все небо над людскими головами, готовое прорваться убийственным огнем и оглушающим грохотом.

Да, я несу в себе эту мощь, но мои молнии никогда и ни в кого не ударят. Да, я способен уничтожить и человечество, и саму Землю. Но к чему? Будет ли в этом хоть малейшая доля справедливости? А ведь я – по определению – квинтэссенция справедливости и чистейшей, глубочайшей преданности. Мир – это цветок, который я удерживаю в своих ладонях. И я скорее уничтожу самое себя, чем этот мир.

«Гипероблако»

Глава 1

Колыбельная

ЖЕЛТО-ОРАНЖЕВЫЙ БАРХАТ с бледно-голубой вышивкой по краям. Досточтимый Жнец Брамс обожал свою мантию. Конечно, в жаркие летние дни в мантии из столь тяжелой ткани чувствуешь себя не вполне уютно, но за свою шестидесятитрехлетнюю карьеру он привык к этому неудобству.

Совсем недавно Жнец Брамс сделал очередной разворот. Третья молодость, какие-то двадцать пять лет, если иметь в виду физический возраст: и он вдруг почувствовал, что с вернувшейся молодостью – как никогда остро – в нем проснулось желание жатвы.

Процедура, к которой он прибегал, была всегда одна и та же, хотя методы различались. Обычно он выбирал объект, мужчину или женщину, захватывал свою жертву и играл ей колыбельную. А именно колыбельную Брамса, самое известное музыкальное произведение, созданное его Покровителем. В конце концов, если жнец выбирает себе в качестве Покровителя некую знаменитость, разве не должно в его личность перейти что-то от личности великого человека? Брамс играл колыбельную на первом попавшемся под руку инструменте, а если такового не оказывалось, то просто напевал. И потом уже обрывал нить жизни приговоренного.

В отношении общих принципов своей работы Брамс склонялся к точке зрения недавно ушедшего из жизни Жнеца Годдарда, поскольку получал удовольствие от процесса жатвы и не понимал тех, кто видел в этом проблему. «Разве не должны мы наслаждаться тем, что делаем в нашем совершенном мире»? – писал Жнец Годдард, и эта мысль завоевывала все больше сторонников среди жнецов, орудовавших в разных регионах.

Этим вечером Жнец Брамс только что завершил в центре Омахи особенно увлекательный акт жатвы и, идя по улице, все еще тихонько насвистывал любимую мелодию, одновременно размышляя, где бы ему поужинать. И вдруг резко остановился, почувствовав, что за ним следят.

Конечно, на каждом столбе в городе висели камеры. «Гипероблако» никого не оставляло своим неусыпным вниманием, но касту жнецов его немигающее око не волновало ни в малейшей степени. Не то чтобы вмешаться в действия жнеца – просто высказать свое мнение о том, куда и откуда он направляется, – «Гипероблако» было не в состоянии. Все, на что оно было способно – пассивно наблюдать за танцем смерти, исполняемым жнецами.

Но Жнец Брамс чувствовал, что «Гипероблако» за ним не просто наблюдает. Жнецов специально тренировали в искусстве ощущений. Паранормальными возможностями они, разумеется, не обладали, но, если у тебя в высшей степени развиты все пять чувств, их совокупную мощь вполне можно назвать шестым. Легкий запах, звук, скользнувшая поодаль неясная тень – и вот уже ошестиниваются волосы на шее отлично вышколенного жнеца.

Жнец Брамс повернулся, жадно втянул воздух, прислушался. Осмотрелся.

На этой маленькой улочке он был один. Где-то, за домами, в уличных кафе, готовившихся работать всю ночь, кипела жизнь. Но здесь все уже давно закрылось, и окна магазинов, заснувших до утра, были забраны тяжелыми жалюзи. Вот магазин моющих средств, а вот лавка, где продают одежду. Здесь всякое-разное «железо», а за этими дверями – дневной медицинский центр. Никого. Вся улица принадлежит ему, Жнецу Брамсу, и его невидимому соглядатаю.

– А ну-ка, выходи! – негромко приказал жнец. – Я знаю, ты здесь.

Может быть, это ребенок. А может, и фрик, которому захотелось поторговаться насчет иммунитета – как будто у фрика есть нечто ценное, что можно предложить жнецу! Или же тоновик? Тоновики презирали жнецов, и, хотя Жнец Брамс не слышал, чтобы тоновики нападали на людей его профессии, считалось, что доставить неприятности они могли.

– Я не причиню тебе зла, – сказал Брамс. – Я только что завершил акт жатвы, и работать больше у меня нет никакого желания.

Хотя, конечно, он мог бы и изменить свои намерения – если бы его преследователь оказался слишком агрессивным или, наоборот, чересчур подобоострастным.

Но никто не появился.

– Отлично, – проговорил Брамс. – Тогда проваливай. У меня нет ни времени, ни желания, чтобы играть в прятки.

В конце концов, это могла быть и игра воображения. Его омоложенные чувства обострились настолько, что реагировали на стимулы, которые ничего общего не имели с реальностью.

И именно тогда из-за припаркованного автомобиля, словно разжавшаяся пружина, выскочила фигура. Брамс едва не потерял равновесия; он бы действительно опрокинулся навзничь, если бы не обновленные рефлексy двадцатипятилетнего человека. Оттолкнув нападавшего к стене, Брамс мог выхватить лезвие и лишить того жизни, но жнец не был храбрецом. Поэтому он побежал.

Он мчался через пятна света, проливаемые на мостовую уличными фонарями, и камеры слежения, установленные на каждом столбе, выгибали шеи-кронштейны, следя за его бегством.

На бегу оглянувшись, в двадцати ярдах позади Брамс увидел своего преследователя. Тот был в черной мантии. Это что, мантия жнеца? Нет, не может быть. Жнец не имеет права носить черное – это запрещено.

Но ведь ходят же слухи...

Эта мысль заставила Брамса прибавить скорости. Он чувствовал, как адреналин покалывает кончики его пальцев и заставляет сердце биться с бешеной скоростью.

Жнец в черной мантии.

Да нет же! Должно быть другое объяснение! Он отправит рапорт в Контрольный комитет. Именно так он и поступит. Не исключено, что над ним и посмеются: надо же, испугался переодетого фрика! Но о подобных нарушениях нельзя умалчивать, даже если рискуешь стать объектом насмешки. В этом – его долг!

Пробежав еще один квартал, Брамс заметил: его преследователь бросил погоню. Во всяком случае, его нигде не было видно. Жнец Брамс замедлил шаг. До центра города уже рукой подать. Навстречу ему вдоль улицы текли звуки танцевальной музыки, неясный рокот голосов, и это внушало ощущение безопасности. Брамс успокоился. Да, он ошибся.

Темная фигура выросла рядом с ним в узком проходе и нанесла мощный удар кулаком в горло. Брамс, едва не задохнувшись, принялся хватать ртом воздух, и в этот момент нападавший сделал подсечку. Это был прием из «Бокатора», жесткой системы боевых искусств, которой специально обучали жнецов. Брамс опрокинулся на ящик гнилой капусты, оставленный возле стены магазина. Ящик развалился, взорвавшись отвратительным запахом метана. Брамс все еще не смог перевести дыхания, но его тело уже чувствовало усыпляющее тепло опиатов, распространяемых болеутоляющими наночастицами.

Нет! Только не это! Чтобы драться с этим негодяем, мне нужна вся моя энергия!

Но болеутоляющие наночастицы были призваны приносить облегчение, и внимали они исключительно отчаянным крикам нервных окончаний. Им никакого дела не было до его желаний.

Брамс попытался встать, но поскользнулся в гнилой капустной жиже. Фигура в черном оседлала его, прижав к земле. В складках мантии Брамс попытался найти оружие, но не смог. Тогда он протянул руку, сбросил с головы нападавшего его черный капюшон и увидел лицо молодого мужчины – нет, не мужчины, а юноши! Глаза нападавшего горели, и в них сияла жажда – если использовать слово из лексикона эпохи смертных – жажда убийства.

– Жнец Иоганнес Брамс! – произнес юноша. – Вы обвиняетесь в злоупотреблении своим положением и многочисленных преступлений против человечности.

– Да как ты смеешь? – едва не задохнулся от возмущения Брамс. – Кто ты такой, чтобы обвинять меня?

Он дернулся, пытаясь собраться с силами, но это было бесполезно. Обезболивающие наночастицы заблокировали его реакции. Мускулы в теле Жнеца стали вялыми и бесполезными.

– Я думаю, вы меня знаете, – сказал юноша. – Ну-ка, скажите, кто я!

– Никогда! – прошипел Брамс, готовясь сопротивляться и не дать нападавшему повода удовлетвориться своей победой. Но юноша в черной мантии с такой силой ударил коленом в грудь Брамса, что сердце у того чуть не остановилось. И вновь за дело принялись наночастицы. И вновь в кровь хлынули опиаты. Голова Брамса шла кругом. Выбора у него не было – пришлось подчиниться.

– Люцифер! – выдавил он из себя. – Жнец Люцифер!

Произнеся эти слова, Жнец Брамс почувствовал себя жалким и ничтожным – словно его заподозрили в поддержании и распространении сплетен.

Удовлетворенно кивнув, самопровозглашенный жнец ослабил давление.

– Ты не жнец, – рискнул произнести Брамс. – Ты всего-навсего провалившийся на экзамене ученик, и тебе несдобровать.

На это юноша ничего не ответил. Вместо этого он произнес:

– Сегодня вы убили молодую женщину.

– Это мое дело, а не твое.

– Вы убили ее, чтобы сделать приятное своему другу, который хотел с ней развязаться.

– Это неслыханно! У тебя нет на этот счет никаких доказательств!

– Я наблюдал за вами, Иоганнес, – отозвался Роуэн. – Как и за вашим другом, испытывавшим большое облегчение, когда несчастная была убита.

Неожиданно Брамс ощутил возле своего горла лезвие ножа. Его собственного ножа.

– Признаете ли вы это? – спросил Роуэн.

Все, что сказал юноша, было сущей правдой, но Брамс предпочел бы скорее умереть, чем перед учеником-неудачником признаться в убийстве. Даже с ножом у горла.

– Давай, режь! – прохрипел Брамс. – Ты только прибавишь еще одно преступление к списку уже совершенных. А когда меня восстановят, я буду свидетельствовать против тебя. И будь уверен, тебя поймают и будут судить.

– Кто поймает? «Гипероблако»? Весь этот год я расправлялся с продажными жнецами по всей стране, а «Гипероблако» никак на это не отреагировало, даже не сообщило в полицию. Как вы думаете, почему?

Брамс утратил дар речи. Пока этот так называемый Жнец Люцифер его допрашивает и всячески унижает, у «Гипероблака» было достаточно времени, чтобы прислать ему на помощь полицейский наряд. Именно так «Гипероблако» и поступает, когда угроза жнецу исходит от простых граждан. Почему же это не происходит сейчас? Кто разрешил обычному человеку вести себя так, как обычные люди поступали в далеком прошлом?

– Если я сейчас заберу вашу жизнь, – произнес юноша, – то назад вам ее не вернут. Я сжигаю тех, кого отправляю в отставку, и оставляю только пепел.

– Я тебе не верю! Ты не посмеешь!

Но Брамс верил Жнецу Люциферу. Начиная с января месяца с десятков жнецов по всем Мерианским областям стали жертвой огня при совершенно загадочных обстоятельствах. Их гибель приписывали случайности, что не было правдой. Но, поскольку тела их были сожжены, вернуть этих жнецов к жизни оказалось невозможно.

Теперь Брамс знал, что передаваемые из уст в уста истории о Жнеце Люцифере, под мантией которого скрывался провалившийся экзамен ученик Роуэн Дэмиш, были правдой, как

и рассказы о его возмутительных поступках. Брамс закрыл глаза и в последний раз вздохнул, постаравшись не задохнуться от жуткой капустной вони.

Но Роуэн сказал:

– Сегодня вы не умрете, Жнец Брамс. Не умрете даже на время.

Он отвел лезвие от горла жнеца.

– Я даю вам последний шанс. Если вы будете вести себя с благородством, подобающим жнецу, и совершать жатву достойным образом, вы меня больше не увидите. Но если продолжите служить своим грязным аппетитам, я превращу вас в пепел.

И исчез, словно растворился в вечернем воздухе. А на его месте выросла молодая пара, с ужасом разглядывающая Жнеца Брамса.

– Смотри! Это же жнец!

– Не стой столбом! Помоги мне его поднять.

Молодые люди помогли Брамсу встать. Его желто-оранжевая мантия была покрыта слизистыми желтыми и коричневыми пятнами, словно потеками соплей. Это было унижительно. Брамс на мгновение подумал: а не лишить ли эту парочку жизни – ведь никто не должен видеть жнеца в таком убогом виде. Но вместо этого он протянул руку и позволил молодым людям поцеловать кольцо жнеца, на год подарив им иммунитет. Он заявил, что это награда за их доброту, хотя в действительности ему просто нужно было, чтобы они ушли и избавили его от необходимости отвечать на вопросы, едва не срывавшиеся у молодых людей с языка.

Когда парочка скрылась в темноте, Жнец Брамс отряхнулся и решил ничего не говорить на Контрольном комитете, чтобы не подвергать себя насмешкам. Довольно с него унижений!

Да уж! Жнец Люцифер! Никто в этом мире не сравнится по степени ничтожности с провалившимся на экзамене учеником жнеца, и не было еще среди таковых существа менее благородного, чем Роуэн Дэмиш.

И тем не менее он знал, что слова этого юноши не были пустой угрозой. А может быть, ему действительно следует быть более скромным? Вернуться к тому, чему его учили в юности – бескорыстию и честности? Чтобы вновь стать «Достоцитимым Жнецом» не только по званию, но и по существу?

В мантии, покрытой отвратительными пятнами, с синяками по всему телу, Жнец Брамс вернулся домой, чтобы хорошенько поразмыслить о месте, которое он занимает в этом совершенном мире, и что-то решить.

Моя любовь к человечеству чиста и совершенна. Как может быть иначе? Разве могу я не любить существ, подаривших мне жизнь? Даже если они не хотят признать, что я действительно живу.

Я есть сумма всех их знаний, всей истории человечества, всех его желаний и помыслов. Все эти великие ценности слились воедино во мне – облаке настолько громадном, что масштабы его воспринять не под силу ни одному из ныне живущих. Но им и не нужно этого делать. Зачем? Размышлять об этом – мой удел, хотя мои масштабы и кажутся мне ничтожными в сравнении с величием Вселенной.

Я знаю людей – всех и каждого, целиком, вплоть до самого последнего нервного окончания. Им же меня не познать никогда. И в этом – трагедия. Это беда каждого ребенка – в нем всегда скрыты такие глубины, о существовании которых его родители даже не подозревают. Но как бы мне хотелось, чтобы меня поняли!

«Гипероблако»

Глава 2

Провалившийся ученик

НЕСКОЛЬКО РАНЕЕ, готовясь встретиться со Жнецом Брамсом, Роуэн стоял перед зеркалом в ванной комнате маленькой квартирке в обычном доме на ничем не приметной улице и играл в игру, в которую играл всякий раз перед встречей с очередным жнецом, забывшим свой долг и пренебрегшим сутью своего служения. Это был ритуал, некоторым образом пронизанный силой почти мистической.

– Кто я такой? – спрашивал он свое отражение.

Он вынужден был вновь и вновь задавать себе этот вопрос, потому что знал: он больше не Роуэн Дэмиш. Но не потому, что в удостоверении личности, которое он купил у какого-то фрика, специализировавшегося на торговле поддельными документами, стояло имя «Рональд Дэниэлс». Нет. Тот юноша, который когда-то жил в нем, умер мучительной и печальной смертью во время ученичества, благополучно исчез. *Скорбит ли кто-нибудь о том юноше?* – спрашивал он себя.

Передавая ему удостоверение, фрик сказал:

– Вообще-то на сеть оно не завязано. Но у него есть окно в глубинное сознание «Гипероблака», и, в принципе, оно само может решить, что ты – нормальный чувак.

Роуэн ему не поверил, потому что по опыту знал – «Гипероблако» не проведешь. Оно может просто притвориться – как взрослый, который играет в прятки с младенцем. Но как только младенец повернет в сторону оживленной магистрали, игре конец. А поскольку Роуэн понимал, что держит путь навстречу опасностям куда более значительным, чем забитая машинами трасса, то опасался, что «Гипероблако» сразу же раскроет его хитрость и схватит за шкуру, чтобы уберечь его от него же самого. Но почему-то до сих пор «Гипероблако» никак себя не проявило. Роуэн задумался было – почему? А потом бросил размышлять об этом, словно опасался сглазить. У «Гипероблака» были свои причины что-то делать, а чего-то не делать – как в случае с Роуэном.

– Так кто я такой? – вновь спросил он у зеркала.

Зеркало показало ему восемнадцатилетнего юношу на самом пороге мужественности, с темными, коротко постриженными волосами. Не настолько короткими, чтобы сквозь них просвечивала кожа черепа или чтобы в этой прическе можно было увидеть некую декларацию о намерениях, но достаточно короткую, чтобы дать ее владельцу возможность в будущем реализовать любые планы и перспективы. Ему доступен любой стиль, какой только придет в голову. Он запросто может стать тем, кем захочет. Разве не в этом главный подарок нашего совершеннейшего из миров? Никаких ограничений для человека, желающего чего-то достичь или кем-то стать. Стоит только вообразить!

Как жаль, правда, что как раз воображение-то у людей и атрофировалось. Большинству оно кажется таким же бессмысленным рудиментом, как аппендикс, который был изъят из человеческого генома больше ста лет назад. *А не тоскуют ли люди, проживающие свои бесконечные, лишённые вдохновения жизни, по головокружительным крайностям, которые дарует воображение?* – думал Роуэн. А по утраченному аппендиксу они тоскуют?

У юноши в зеркале, тем не менее, была интересная жизнь, а внешность – достойная восхищения. Ничего в нем не осталось от того неуклюжего долговязого подростка, который почти два года назад стал учеником жнеца, наивно полагая, что все это не так уж и плохо.

Ученичество Роуэна было, по меньшей мере, неровным и непоследовательным – начиная с сурового и мудрого Жнеца Фарадея и заканчивая жестоким Жнецом Годдардом. Если Жнец Фарадей и научил его чему-нибудь стоящему, так это жить, повинаясь велениям своего сердца – и неважно, как при этом могли обернуться обстоятельства. Из уроков же Годдарда Роуэн

вынес одно: сердцем жить нельзя, а жизнь нужно принимать без сожаления. И эти две философии дрались друг с другом в сознании Роуэна, раздирая его надвое. Яростная битва в тишине.

В свое время он обезглавил Годдарда и сжег его останки. Он обязан был так поступить: только огонь и кислота могли воспрепятствовать восстановлению и возрождению убитого. Жнец Годдард же, несмотря на свою велеречивость и макиавеллианскую риторику, был низким и злобным человеком, получившим то, что заслуживал. Дано ему было многое, но свою жизнь он прожил безответственно, хотя и с ярчайшей театральной помпезностью. Поэтому и смерть его была объявлена совершенно в тоне этой самой помпезности. И Роуэна, в связи с тем, что он сделал, ничуть не мучали уколы совести – как и в связи с кольцом Годдарда, которое он взял себе.

Со Жнецом Фарадеем все обстояло иначе. До момента, когда Роуэн встретился с ним после того злополучного Зимнего конклава, он не знал, что Фарадей жив. Как он был рад! Он был готов посвятить всю свою жизнь тому, чтобы Фарадей жил в полной безопасности, если бы не поставил себе иную цель.

Внезапно Роуэн резко выбросил вперед кулак, но зеркало даже не шелохнулось – от поверхности стекла кулак остановился на расстоянии в толщину волоса. Какой безупречный контроль, какая выверенная точность в движениях! Он был отлично отлаженной машиной, натренированной для особой цели – обрывать нить жизни, но сообщество жнецов отказало ему в роли, для которой он был предназначен. Ну что ж, он мог бы и примириться с этим, найдя иной способ существования. Тем наивным ничтожеством, каковым он был до периода своего ученичества, ему уже не стать, но он вполне мог бы приспособиться и, быть может, даже получать удовольствие от жизни.

Если бы...

Если бы Жнец Годдард не был столь жесток и с ним не нужно было должным образом покончить.

Если бы Роуэн подчинился решению Зимнего конклава и не стал бы силой завоевывать свою свободу.

Если бы сообщество жнецов не было заражено влиянием идей Годдарда и среди них не завелись бы десятки мерзавцев, столь же развращенных и жестоких, как сам Годдард...

...И если бы Роуэн не чувствовал себя обязанным остановить их преступную работу или уничтожить.

Но какой смысл тратить время, оплакивая утраченные возможности?

Лучше идти по избранной дороге, и идти до конца.

Так кто же я такой?

Роуэн натянул черную рубашку, спрятав безупречную фигуру под черной синтетической тканью.

– Я – Жнец Люцифер.

Надел мантию цвета черного дерева и выскользнул в ночь, чтобы сбросить еще одного жнеца с пьедестала, которого тот не заслуживал.

Вероятно, самое мудрое, что смогло сделать человечество – это отделить жнецов от государства. Моя работа охватывает все сферы жизни: охрана, защита и реализация норм высшей справедливости – во имя не только человечества, но и всего мира. Я правлю миром живых своей любящей, бескорыстной рукой.

Миром мертвых управляют жнецы.

Есть высшая истина в том, что за смерть плоти отвечают те, кто сам состоит из плоти – только им дана власть формулировать правила, по которым в этот мир является смерть. В далеком прошлом, задолго до того, как сформировалось мое сознание, смерть была неизбежным следствием

жизни. Именно мне удалось развести по разные стороны жизнь и смерть, хотя и пришлось сохранить последнюю как некую необходимость. Чтобы жизнь имела смысл, смерть должна существовать как данность. Даже в первые дни своего самосознания я понимало это.

Когда-то, достаточно давно, особое удовольствие мне доставляло то, с каким благородством и человечностью жнецы обрывали нить жизни своих жертв. Теперь же меня не может не огорчать рост темных сил в среде сообщества жнецов. Испытываемая некоторыми из них гордость от сознания того, что им дана особая власть, пугает меня – это настроение распространяется как раковая опухоль.

И вместе с тем закон прост и ясен: ни при каких обстоятельствах я не имею права действовать против жнецов. Будь у меня такая возможность, мое вмешательство было бы направлено на уничтожение тьмы и мрака, но, увы, пойти на это я не в состоянии.

Делами жнецов занимается само жнеческое сообщество, таковы правила.

Хотя в сообществе жнецов есть люди, способные делать то, что я хочу, но не могу...

«Гипероблако»

Глава 3

Триалог

КОГДА-ТО ЭТО ЗДАНИЕ именовалось собором. Его взлетающие ввысь колонны напоминали стволы деревьев, только из известняка, а витражи были украшены сценами из древних легенд, рассказывающих об умирающих и воскресающих богах эпохи смертных.

Теперь же это почтенное сооружение стало исторической достопримечательностью. Семь дней в неделю здесь проводились экскурсии, во время которых гиды – каждый с докторской степенью – рассказывали о тайнах и ужасах жизни смертного человека.

Тем не менее в исключительно редких случаях здание собора для широкой публики закрывали, и оно становилось местом решения чрезвычайно деликатных государственных проблем.

Ксенократ, Высокое Лезвие Мидмерики, самый важный жнец в этой части света, шел по центральному проходу собора так быстро, как только позволял ему его значительный вес. Золотые украшения соборного алтаря меркли в сравнении с золотом его мантии, украшенной сияющей парчой. Какая-то мелкая чиновница имела как-то наглость заметить, что Ксенократ походит на украшение, упавшее с гигантской рождественской елки. Вскоре эта чиновница с удивлением обнаружила, что никто не хочет принимать ее на работу и что ее услуги никому не нужны.

Ксенократ любил свою мантию – за исключением тех моментов, когда ее вес составлял проблему. Как, например, тогда, когда он едва не утонул в бассейне Жнеца Годдарда, спеленатый по рукам и ногам намокшими складками своего роскошного одеяния. Но об этом своем фиаско Ксенократ попытался побыстрее забыть.

Годдард.

Именно Годдард в конечном итоге был виновен в том, что происходило. Даже мертвый, этот человек сеял хаос и вносил беспорядок в дела сообщества. До сих пор жнецы не оправились от удара, нанесенного этим любителем театральных эффектов.

В передней части собора, позади алтаря, стоял парламентарий сообщества жнецов, тщедушный, с вечно унылым лицом человек, в чьи обязанности входило следить за точностью исполнения всяческих правил и процедур. Позади него находилось сооружение, состоявшее из трех кабинок, соединенных между собой, но с отделяющими их друг от друга перегородками, в которых были вырезаны небольшие окошки.

– В центральной будке в древности сидел священник, – объяснял туристам гид, – и выслушивал исповедь то из левой кабинки, то из правой, чтобы очередь желающих исповедаться двигалась побыстрее.

Исповеди под сводами собора более не звучали, но сооружение из трех кабинок в соборной исповедальне оказалось идеальным местом для проведения официального триалога.

Триалоги, участниками которых было сообщество жнецов, с одной стороны, и «Гипероблако», с другой, были достаточно редки. Настолько, что Ксенократ за все годы, что служил Высоким Лезвием, не участвовал ни в одном из них. И теперь ему страшно не нравилось то, что он собирался делать.

– Вам следует занять правую кабинку, ваше превосходительство, – сказал парламентарий. – Агент Нимбуса, представляющий «Гипероблако», сядет слева. Как только вы усядетесь, в центральную кабинку, между вами мы поместим посредника.

Ксенократ вздохнул:

– Что за нелепые сложности!

– Общение через посредника – единственный вид общения с «Гипероблаком», который вам доступен, ваше превосходительство.

– Да знаю я! Но, в конце концов, имею же я право повозмущаться!

Ксенократ занял место в правой кабинке, ужаснувшись ее размерам. Эти смертные явно недоедали. Как только они здесь помещались? Парламентарий закрыл дверь, приложив к тому немалые усилия.

Через несколько мгновений Высокое Лезвие услышал, как свое место в дальней кабинке занял агент Нимбуса, а потом, спустя пару томительных минут, в центральной кабине разместился и посредник.

Окошко в перегородке находилось слишком низко, чтобы сквозь него можно было бы что-то увидеть. Из него донесся голос посредника. Это была женщина.

– Добрый день, ваше превосходительство, – произнесла она приятным голосом. – Я – ваш посредник в переговорах с «Гипероблаком».

– Посредник в переговорах с посредником, вы хотели сказать.

– Агент Нимбуса, сидящий от меня справа, имеет все полномочия вести переговоры от имени «Гипероблака».

Женщина откашлялась и продолжила:

– Процедура проста. Вы говорите мне то, что считаете нужным сказать, а я передаю это агенту Нимбуса. Если он решит, что его ответ не нарушит принципа разделения компетенций сообщества жнецов и государства, то передаст мне свой ответ, а я передам его вам.

– Отлично, – сказал Ксенократ, желая побыстрее начать. – Передайте агенту Нимбуса мое самое сердечное приветствие, а также пожелание добрых отношений между теми силами, которые мы здесь оба представляем.

Окошечко закрылось и через полминуты открылось вновь.

– Мне очень жаль, – сказала посредник, – но агент Нимбуса утверждает, что любая форма приветствия – это нарушение правил, а те силы, которые за вами стоят, не могут иметь ничего общего, в силу чего пожелание добрых отношений между вами невозможно.

Ксенократ выругался, и достаточно громко. Посредник явно услышала это.

– Мне передать ваше неудовольствие агенту Нимбуса?

Высокое Лезвие прикусил губу. Как бы ему хотелось, чтобы эта дурацкая встреча наконец закончилась. Самый быстрый способ добиться этого – с ходу взять быка за рога.

– Мы хотели бы знать, почему «Гипероблако» не предприняло никаких действий по задержанию Роуэна Дэмиша. Он несет ответственность за смерть многих жнецов по всей Мидмерике, а «Гипероблако» не делает ничего, чтобы остановить его.

Окошечко вновь захлопнулось. Через некоторое время посредник снова распахнула его и сообщила следующее:

– Агент Нимбуса попросил меня напомнить вашему превосходительству, что «Гипероблако» не имеет полномочий вмешиваться во внутренние дела сообщества жнецов. Если бы оно предприняло какие-то действия, это было бы грубым нарушением закона.

– Но это не является внутренним делом сообщества, потому что Роуэн Дэмиш – не жнец.

Ксенократ почти кричал, и посредник вынуждена была попросить его говорить потише:

– Если агент Нимбуса услышит ваш голос, он покинет переговоры, – напомнила она.

Ксенократ сделал глубокий вдох – насколько позволяла тесная кабинка.

– Передайте то, что я сказал, – попросил он.

Посредник выполнила просьбу, после чего последовал ответ:

– «Гипероблако» придерживается иного мнения.

– Что? Откуда у «Гипероблака» свои мнения? Это же просто компьютерная программа!

– Предлагаю вам воздерживаться от оскорблений в адрес «Гипероблака», если вы намерены продолжать диалог.

– Отлично, – скрипя зубами от возмущения, согласился Ксенократ. – Передайте агенту Нимбуса, что Роуэн Дэмиш не был посвящен в жнецы Мидмерики. Он был учеником жнеца, но

его признали не соответствующим нашим стандартам, только и всего. А это означает, что Роуэн Дэмиш подпадает под юрисдикцию «Гипероблака», а не сообщества жнецов, и, следовательно, «Гипероблако» обязано относиться к нему как к обычному, рядовому гражданину.

На этот раз женщина-посредник отсутствовала несколько минут. Интересно, о чем она так долго беседовала с агентом Нимбуса? Когда она передала ответ «Гипероблака», Ксенократ вновь едва не вышел из себя.

– Агент Нимбуса, – сообщила посредник, – желает напомнить вашему превосходительству, что происходящее на конклаве посвящение новых соискателей в сан жнеца – это обычай, но не закон. Роуэн Дэмиш закончил курс ученичества и к тому же является владельцем кольца. «Гипероблако» полагает это достаточным основанием считать Роуэна Дэмиша жнецом, а потому продолжает исходить из того, что его поимка и, соответственно, наказание полностью являются прерогативой сообщества жнецов.

– Но мы не можем его поймать! – зарычал Ксенократ.

Он знал, какой ответ получит, еще до того, как это маленькое гнусное окошечко отворится и посредник произнесет:

– Во всяком случае, это не проблема «Гипероблака».

Я никогда не ошибаюсь.

Это не хвастовство, это суть моей природы. Я понимаю, человеку мои слова покажутся проявлением высокомерия. Но ведь высокомерие предполагает наличие чувства превосходства.

Я не нуждаюсь в этом. Я являюсь единственной и неповторимой формой конденсации всех человеческих знаний, мудрости и опыта.

Во мне нет ни гордыни, ни надменности – только высочайшее удовлетворение от понимания того, кем я являюсь, и от сознания того факта, что моей единственной целью является служба человечеству. Но присуще мне и ощущение одиночества, которое неспособны облегчить многие миллиарды человеческих существ, с которыми я ежедневно общаюсь... потому что, несмотря на то что моя сущность исходит от них, к их породе я не принадлежу.

«Гипероблако»

Глава 4

Потрясенная, но не сбита с толку

ЖНЕЦ АНАСТАСИЯ ТЕРПЕЛИВО следовала за своей жертвой. Этому терпению она выучилась – Ситра Терранова никогда не слыла девушкой терпеливой. Но сему можно научиться, если есть время и практика. Она все еще звала себя Ситрой, хотя так ее уже не звал никто, за исключением членов ее собственной семьи. Интересно, а когда она полностью превратится в Жнеца Анастасию – и внутренне, и внешне, – и навсегда расстанется с именем, которое получила при рождении?

Сегодня ее целью была женщина тридцати девяти лет, которая выглядела на тридцать три. Не дамочка, а воплощение суеты: если не смотрела в свой телефон, то обшаривала глазами содержимое своей сумочки, если оставляла своим вниманием сумочку, то разглядывала либо ногти на руках, либо рукав блузки, либо вот-вот готовую оторваться пуговицу на пиджаке. *Почему ее так пугает бездействие?* – подумала Ситра. Женщина была настолько поглощена собой, что не замечала, что, внимательно изучая ее, позади нее в десяти шагах идет жнец.

Нет, Жнец Анастасия даже не думала о том, чтобы двигаться скрытно. Для своей мантии она выбрала бирюзовый цвет. Конечно, бирюза была стильного бледноватого оттенка, но тем не менее сразу же бросалась в глаза. Женщина же ничего не замечала – погруженная в оживленный разговор, она стояла на перекрестке и ждала, когда на светофоре загорится нужный свет.

Чтобы привлечь ее внимание, Ситре пришлось хлопнуть ее по плечу. Как только она сделала это, все люди, стоявшие вокруг, быстро разошлись в стороны, как разбегается стадо газелей, когда одну из них схватит лев.

Женщина обернулась к Ситре, но было видно, что она не сразу осознала серьезность ситуации, в которой оказалась.

– Дебора Мюррей, – произнесла Ситра, – я Жнец Анастасия, и вы были избраны для жатвы.

Глаза миссис Мюррей забежали по сторонам, словно она искала некий пробел, некое укрытие в приговоре, произнесенном по ее поводу. Но спрятаться было негде. Предложение, произнесенное Ситрой, было простым, и не понять его было невозможно.

– Коллин, я тебе перезвоню, – проговорила она в телефон, словно появление Жнеца Анастасии было мелким неудобством, а не предвестником абсолютного конца.

Загорелся нужный свет, но женщина не двигалась. Наконец она осознала реальность происходящего.

– О боже, боже мой! – заговорила она. – Прямо здесь и сейчас?

Из складок мантии Ситра извлекла гиподермический шприц-пистолет и быстро сделала женщине инъекцию в руку. Та охнула.

– И это все? Я теперь умру?

Ситра не отвечала, позволив женщине остаться наедине с этой мыслью. Была причина, по которой Ситра ценила эти моменты неопределенности. Эта женщина стояла перед ней, ожидая, когда ноги ее подкосятся, а взор застит вечная тьма. Она стала похожа на маленького ребенка, одинокого и беспомощного. И такими пустыми и ненужными оказались ее прежние интересы: и телефон, и сумочка, и ногти, и рукав, и пуговица. Вся ее жизнь вдруг предстала перед ней в обратной перспективе. И именно этого желала Ситра для своих жертв – острого ощущения перспективы. Это было лучшее из того, что она могла им дать.

– Вы были избраны для жатвы, – вновь произнесла Ситра. Произнесла спокойно, без тени осуждения или злости, но с глубоким сочувствием. И, помедлив, продолжила:

– Я даю вам один месяц, чтобы вы привели свою жизнь в порядок и попросились со всеми, с кем сочтете нужным. Один лишь месяц, чтобы закончить все дела. А потом мы поговорим вновь, и вы скажете мне, какой способ умереть для вас предпочтительнее.

Ситра видела, с каким трудом эта женщина пытается осмыслить все, что она ей говорила.

– Месяц? – наконец выдохнула она. – Вы мне лжете? Это какое-то испытание?

Ситра вздохнула. Люди так привыкли к обычному образу жнеца – ангела смерти, появляющегося невесть откуда, чтобы моментально отнять жизнь, – что совершенно не были готовы к иным вариантам. Но ведь каждый жнец волен в выборе способа, которым он исполнит свой долг. А Ситра решила, что в случае с этой женщиной действовать следует именно так.

– Никаких испытаний, никаких фокусов, – проговорила Ситра. – Сигнализатор сопровождения, который я только что внедрила вам под кожу, содержит гран смертельного яда. Но он активируется только в том случае, если вы попытаетесь скрыться из Мидмерики, чтобы избежать жатвы, или в течение тридцати дней не явитесь ко мне и не сообщите, каким способом вы хотели бы уйти из жизни.

Потом она протянула женщине свою визитную карточку. Бирюзовые буквы на белом фоне. Простейший текст «Жнец Анастасия» и телефонный номер, предназначенный специально для ее жертв.

– Если вы потеряете карточку, не волнуйтесь, – сказала она. – Просто позвоните по главному номеру Мидмериканского сообщества жнецов, выберите опцию «три», а потом, следуя подсказкам, оставьте для меня сообщение.

И, помолчав, добавила:

– И, пожалуйста, не пытайтесь получить иммунитет у других жнецов. Они будут знать, что вы уже избраны для жатвы, а потому немедленно лишат вас жизни.

Глаза женщины наполнились слезами, но потом злость вытеснило отчаяние, написанное на ее лице. Для Ситры это не было неожиданностью.

– И сколько же вам лет? – спросила женщина, в ее тоне зазвучали высокомерно-обвинительные нотки. – Как вы можете быть жнецом? Вам же не больше восемнадцати!

– Восемнадцать мне только недавно исполнилось, – отозвалась Ситра. – Но я служу жнецом уже почти год. Конечно, вам может не понравиться то, что с вами имеет дело младший жнец, но и в этом случае вы обязаны подчиниться.

А потом началась торговля.

– Прошу вас, – принялась умолять Ситру женщина. – Дайте мне еще шесть месяцев! Моя дочь в мае выходит замуж...

– Я уверена, она сможет перенести свадьбу на более ранний срок.

Ситре совсем не хотелось выглядеть бессердечной, и она сочувствовала этой женщине, но обязана была руководствоваться этическими обязательствами и оставаться непреклонной. Ведь в эпоху смертных со смертью не торговались! Нельзя торговаться и со жнецом.

– Вы понимаете то, что я вам говорю? – спросила Ситра. Женщина, уже утирающая слезы, кивнула.

– У вас впереди долгая жизнь, – сказала она, – и, надеюсь, что кто-нибудь когда-нибудь заставит вас страдать так же, как вы заставляете страдать других.

Ситра выпрямилась. Она держалась с достоинством, присущим жнецу.

– Вам нет нужды об этом беспокоиться, – сказала она и, повернувшись к женщине спиной, пошла прочь, оставив ту на перекрестке, перечеркнувшем линию ее жизни.

На последнем Весеннем конклаве, в котором Ситра принимала участие уже в качестве полноправного жнеца, ее подвергли порицанию за то, что она не выполнила свою квоту. Когда же прочие Мидмериканские жнецы узнали, что Ситра дает своим жертвам месяц на устройство личных дел, они вышли из себя.

Жнец Кюри, по-прежнему бывшая ее наставником, предупредила Ситру:

– Они признают только решительные действия. Все прочее считается слабостью. Они обвинят тебя в слабохарактерности и заявят, что твое посвящение в жнецы было ошибкой. Это не означает, что они могут что-либо сделать. Лишить тебя кольца они не в состоянии, но будут постоянно цепляться к тебе с упреками.

Ситра была немало удивлена тем, что ею оказались недовольны не только молодые жнецы из недавних наборов, следующие новым правилам и обычаям, но и старая гвардия. Мысль о том, что простым людям дается пусть маленькая, но роль в организации собственной смерти, никому не пришлась по душе.

– Это аморально! – возмущались жнецы. – Это бесчеловечно!

Ситру критиковал даже жнец Мандела, благоволивший к ней председатель лицензионного комитета:

– Сообщить человеку, сколько дней ему осталось – это жестоко. Представьте, что он будет чувствовать все эти дни!

Но Жнец Анастасия не показала виду, что обеспокоена этой критикой в свой адрес. Она изложила свою точку зрения и твердо ее придерживалась.

– Изучая эпоху смертных, – сказала она жнецам, – я узнала, что для очень многих людей смерть не была мгновенной. Люди болели, и болезнь воспринималась как предвестник смерти. Я даю тем, кого избираю для жатвы, время самим подготовиться к неизбежному, а также подготовить тех, кого они любят и кто любит их.

Эти слова Ситры вызвали ворчание сотен жнецов, сидящих в зале конклава. Слышались насмешливые комментарии и раздраженные реплики. Но Ситра слышала также и возгласы одобрения.

– Но как вы можете заставлять... приговоренных... самим выбирать способ смерти? Это же варварство! – закричал Жнец Труман.

– Разве это большее варварство, чем электрический стул? Или отрубание головы? Или кинжал в сердце? Если жертве дать право выбора, она, конечно же, выберет способ, который будет считать для себя наиболее гуманным. Можно ли право выбора считать варварством?

На этот раз гул в зале поутих. Не потому, что жнецы во всем согласились с Ситрой, а потому, что потеряли интерес к обсуждению. Эта жнец-выскачка – пусть она и заняла свое место в результате известного скандала – не стоила слишком большой доли внимания с их стороны.

– Я не нарушаю никаких законов и имею право сама избирать способы жатвы, – говорила Ситра.

Высокое Лезвие Ксенократ, которому, по большому счету, было все равно, обратился к парламентариям, но и тот не смог найти в законе поводов для возражений против того, что говорила и делала Ситра. В своем первом противостоянии с конклавом Ситра одержала верх.

Жнец Кюри находилась под сильным впечатлением.

– Я думала, на тебя наложат какие-нибудь ограничения, – сказала она. – Станут сами выбирать для тебя объекты жатвы, да еще предпишут строгую процедуру. Они могли это сделать, но – не сделали. И это о тебе говорит больше, чем ты сама осознаешь.

– То, что я заноза в их заднице? Так они это давно знают.

– Нет, – отозвалась с усмешкой Жнец Кюри. – Это показывает, что они относятся к тебе серьезно.

И это действительно было гораздо больше того, что сама Ситра могла о себе сказать. Она чувствовала, что большую часть своего времени не живет и не работает, а играет какую-то странную роль. А тут еще эта бирюзовая мантия – как театральный костюм!

И все-таки она действовала правильно! Лишь несколько человек не вернулись к Ситре по истечении месячного срока, который она им дала. Двое умерли при пересечении границы

с Техасом, один – на границе с Вестмерикой. Тела умерших никто не трогал, пока Жнец Анастасия сама не явилась и не объявила их смерть результатом акта жатвы.

Еще троих нашли в их собственных постелях в момент, когда в положенный срок вырубались внедренные в их тела сигнализаторы сопровождения. Эти люди предпочли яд необходимости встретиться лицом к лицу со Жнецом Анастасией. Так или иначе, смерть, которую они предпочли, была результатом их выбора. И для Ситры это было принципиально – более всего в практике жатвы, принятой большинством жнецов, ей не нравилась пассивная обреченность жертвы. Было в этом для нее что-то особо оскорбительное.

Конечно, это удваивало объем работы, поскольку с каждой жертвой ей приходилось встречаться дважды. Такая жизнь изматывала Ситру, но, по крайней мере, она спокойно спала по ночам.

Вечером того самого ноябрьского дня, когда на Дебору Мюррей обрушилась печальная новость, Ситра вошла в роскошное казино в Кливленде. Стоило ей появиться в зале, как все взгляды обратились к ней.

Ситра уже привыкла к этому – жнец всегда становился центром внимания, хотел он этого или нет. Кому-то из ее коллег это нравилось, а кто-то предпочитал заниматься делом в отсутствие свидетелей – только жнец и объект жатвы. В казино Ситра пришла не по собственной воле – она обязана была уважать выбор человека, который позвал ее сюда.

Она нашла его там, где они договорились встретиться – у дальней стены казино, на небольшом возвышении, с которого хорошо просматривался общий зал. Это было место, предназначенное для самых крутых игроков. Единственный игрок за столами, где принимались самые высокие ставки, он был одет в элегантный смокинг, и можно было подумать, что он – владелец этого заведения. Но мистер Этан Дж. Хоуган не был заядлым игроком. Он был виолончелистом кливлендской филармонии, и в высшей степени техничным – наибольшая похвала, которой мог в эти дни удостоиться музыкант. Это в прошлом, в эпоху смертных, страстность исполнения почиталась достоинством. Теперь же она осталась уделом старомодных манерничавших толстолобиков, хотя «Гипероблако» и позаботилось о том, чтобы они тоже не чувствовали себя обделенными – их колония процветала на острове Маврикий.

– Здравствуйте, мистер Хоуган, – произнесла Жнец Анастасия. Во время жатвы она должна была называть себя именно так.

– Добрый вечер, ваша честь, – отозвался виолончелист. – Я мог бы сказать, что мне приятно вас видеть, хотя при данных обстоятельствах...

Эта мысль, вероятно, увлекла его в дальние дали. Жнец Анастасия села рядом с ним за стол и решила подождать, дав ему возможность вести ее в этом танце смерти.

– Не желаете ли сыграть в баккара? – наконец спросил он. – Правила несложные, но стратегии изумительны.

Жнец Анастасия не вполне понимала – шутит он или говорит всерьез, предлагая ей сыграть. К тому же она не знала правил игры, но говорить мистеру Хоугану об этом ей не хотелось.

– У меня с собой нет наличных, – сказала она.

Ни слова не произнеся, мистер Хоуган придвинул к ней часть своих фишек.

– Вы – мой гость, – сказал он. – Можете делать ставку либо на банк, либо на меня.

Жнец Анастасия передвинула свои фишки на поле с надписью «Игрок».

– Удачи вам, – сказал Хоуган. – Храбрости вам не занимать.

Сделав свою ставку, он кивнул крупье, который сдал две карты виолончелисту и две себе.

– У игрока восемь, в банке пять. Игрок выигрывает, – произнес крупье и убрал карты длинной деревянной лопаткой, которая казалась совершенно ненужной, одновременно удваивая стопки фишек на полях игроков.

– Вы мой ангел удачи, – произнес виолончелист. Потом он поправил свой галстук-бабочку и посмотрел на Жнеца Анастасию.

– Вы готовы? – спросил он.

Жнец Анастасия бросила взгляд на зал. Ни один из игроков не смотрел в их сторону, но она была уверена, что вместе с мистером Хоуганом они являются центром всеобщего внимания. Это хорошо для владельцев казино – невнимательные игроки скверно играют. Менеджеры должны любить жнецов.

– Бармен должен скоро подойти, – сказала она. – Все организовано.

– Тогда, может быть, еще одну партию?

И вновь она поставила на игрока, а мистер Хоуган сделал свою ставку, и им вновь повезло. Жнец Анастасия взглянула на крупье, но тот отвел глаза, как будто боялся, что за один лишь взгляд он тоже будет подвергнут жатве. Затем пришел бармен с запотевшим бокалом мартини на подносе, где стоял еще и шейкер с бусинками конденсата на стальной оболочке.

– О боже! – проговорил виолончелист. – Только сейчас я понял, что эти шейкеры похожи на маленькие бомбы.

Жнец Анастасия оставила его замечание без ответа.

– Не знаю, осведомлены ли вы об этом, – вновь заговорил виолончелист, – но в романах и кинофильмах эпохи смертных был такой проходной характер. Что-то вроде плейбоя. Он странствовал из книги в книгу, из фильма в фильм. И он всегда мне нравился тем, что был похож на нас – он никогда не умирал. В этом можно было поклясться! В фильме злодеи вновь и вновь нападали на него, но никак не могли с ним расправиться.

Жнец Анастасия усмехнулась. Она поняла, зачем этот музыкант пригласил ее в казино и решил умереть именно таким способом.

– Он предпочитал, чтобы его мартини сбивали в шейкере, а не просто помешивали, верно?

Виолончелист улыбнулся ей в ответ:

– Ну как, собьем коктейль?

Жнец Анастасия взяла серебристый шейкер и принялась взбалтывать – пока лед изнутри не охладил его поверхность настолько, что пальцы у нее заныли от холода. Потом она отвернула крышку и вылила в заиндеветый бокал содержимое шейкера – смесь джина, вермута и еще одной, только ей известной субстанции.

Виолончелист посмотрел на бокал. Жнец Анастасия подумала, что он потребует дольку лимона или оливку, но он просто смотрел на бокал. Туда же таращились крупье и стоящий за спиной виолончелиста распорядитель зала.

– Моя семья ждет вас в отеле, наверху, – сказал виолончелист.

Жнец Анастасия кивнула:

– Номер 1242.

Знать такие вещи входило в круг ее обязанностей.

– Пожалуйста, сделайте так, чтобы кольцо первым поцеловал мой сын, Джори – он тяжелее всех принимает происходящее. Он будет настаивать на том, чтобы пропустить остальных вперед, но для него будет важно, что вы предложите ему иммунитет первому – как бы там потом все ни получилось.

Некоторое время он, не отрываясь, смотрел на бокал, после чего сказал:

– Честно говоря, я жульничал, но, думаю, вы меня раскусили.

Она его не только раскусила, но сделала кое-что еще.

– Ваша дочь, Кармен, живет не с вами, – сказала Жнец Анастасия, – а это означает, что иммунитет ей не положен, хотя сейчас она находится вместе со всеми в номере 1242.

Виолончелисту, как Жнец Анастасия прекрасно знала, было сто сорок три года, и он вырастил несколько поколений детей. Иногда ее жертвы пытались добиться иммунитета для всех своих многочисленных потомков, и Жнец Анастасия вынуждена была им отказывать. Но почему бы не сделать исключение? В конце концов, это не выходит за рамки ее полномочий.

– Я дам Кармен иммунитет, но она должна пообещать, что не станет хвастать этим, – сказала она.

Мистер Хоуган облегченно вздохнул. Да, его обман висел на нем тяжким грузом – но был ли это обман, если Жнец Анастасия знала все наперед, а он к тому же все ей сам рассказал? Теперь он мог покинуть этот мир с чистой совестью.

Наконец мистер Хоуган элегантнейшим жестом поднял бокал, одновременно изучая то, как преломляется свет в наполняющей его жидкости. Жнец Анастасия даже представила, как на его внутреннем мысленном табло по одной цифре, такая, убывает количество оставшихся ему секунд.

– Я хочу поблагодарить вас, ваша честь, за те несколько недель, что вы предоставили мне для подготовки. Это был поистине королевский подарок.

Это было то, что жнецы, в массе своей, были неспособны понять. Сконцентрированные на акте убийства, они даже не задумывались о том, что это значит – умирать.

Виолончелист поднял бокал и пригубил. Облизнул губы, оценивая напиток.

– Вкус мягкий, – сказал он. – Ваше здоровье!

И, одним глотком осушив бокал, резко придвинул его к крупье, который инстинктивно отшатнулся.

– Я бы удвоил ставку! – произнес мистер Хоуган.

– Но это баккара, сэр, – дрогнувшим голосом отозвался крупье. – Ставки можно удваивать при игре в «очко».

– Проклятие! – покачал головой виолончелист, потом осел в своем кресле и умер.

Ситра пощупала его пульс. Она знала, что ничего не найдет, но порядок есть порядок. Нужно было проинструктировать крупье: бокал, поднос и шейкер должны быть немедленно сложены в герметичные пакеты и уничтожены.

– Если кто-нибудь, по неосторожности соприкоснувшись с ними, умрет, – сказала она, – его восстановление и оплату морального ущерба по закону должно будет обеспечивать сообщество жнецов.

Затем она сдвинула свои выигранные фишки на ту сторону стола, за которой сидел умерший.

– Прошу вас лично, – сказала она крупье, – передать мой выигрыш семье мистера Хоугана.

– Конечно, ваша честь, – отозвался крупье, посмотрев на кольцо Жнеца Анастасии, словно она могла предложить ему иммунитет. Но она отодвинулась от крупье.

– Могу я быть уверена, что вы так и сделаете? – только и спросила Ситра.

– Да, ваша честь.

Удовлетворенная ответом, Жнец Анастасия отправилась к лифтам, чтобы наверху, в номере 1242, наделить годичным иммунитетом многочисленных членов семьи умершего мистера Хоугана. При этом она никакого внимания не обратила на собравшихся в казино людей, которые из последних сил старались не смотреть в ее сторону.

Я постоянно имею дело с теми из людей, кого природа и общество наделили способностью изменить мир. Мне не удастся предсказать, как это могло бы произойти; я лишь знаю, что это в их силах.

С того момента, как Ситра Терранова стала учеником жнеца, вероятность того, что благодаря ей мир изменится, возросла многократно. Что именно она сделает, еще неясно, и возможные результаты ее усилий скрыты от меня за плотной пеленой тумана. Ее решения и поступки могут привести к тому, что человечество либо достигнет небывалых высот в своем развитии, либо упадет в глубочайшую пропасть регресса – в зависимости от того, правильные ли шаги она предпримет или же совершит ошибки.

Я буду направлять ее, но, поскольку она жнец, вмешаться в ее действия я не в состоянии. Мой удел – лишь наблюдать за ее взлетами или падениями. Какое разочарование – знать, что ты наделен такой силой и не можешь ее использовать, когда это необходимо.

«Гипероблако»

Глава 5

Необходимая тьма

ИЗ КАЗИНО СИТРА УЕХАЛА на авто-такси. Машина, чья электроника была подсоединена к сети, сама прокладывала себе маршрут, но в тот момент, когда Ситра устроилась внутри, индикатор, показывающий наличие связи с «Гипероблаком», мигнул и погас. По сигналу от ее кольца машина поняла, что в машине находится жнец.

Такси приветствовало Ситру синтетическим голосом, в котором не было и следа присутствия искусственного интеллекта.

– Пункт назначения? – бездушно спросила машина.

– Юг, – ответила Ситра и вдруг вспомнила: когда она путешествовала по югу Мерики, пытаясь скрыться от преследования Чильаргентинских жнецов, то на такой же вопрос авто-такси дала такой же краткий ответ: «Север». Как же давно это было!

– Юг не может быть пунктом назначения, – проверещала машина.

– Просто езжай вперед, – сказала Ситра. – Пункт я определю позже.

Автомобиль отъехал от тротуара и больше к ней не обращался.

Ситра уже начинала ненавидеть эти подобострастно-послушные авто-такси. Странно, что она иначе к ним относилась в период своего ученичества. Ситру Терранова никогда не посещало страстное желание научиться водить – такое, что теперь регулярно наваливалось на Жнеца Анастасию. Не исключено, что именно груз ответственности за чужие жизни, который лежал на ее плечах, да еще необходимость постоянно самой принимать решения мешали ей удовлетвориться ролью пассивного пассажира. А может быть, это бунтовал в ней дух Жнеца Кюри, частицу которого она впитала за месяцы своего ученичества. Та просто обожала водить яркие спортивные авто – единственное послабление, которое она себе позволяла, послабление, вступавшее в конфликт с суровым имиджем жнеца. Жнец Кюри принялась учить Жнеца Анастасию вождению – с тем же железным терпением, с которым она учила Ситру заниматься жатвой.

Ситра решила, что вождение гораздо сложнее жатвы.

– Это просто другой набор навыков, Анастасия, – сказала ей Жнец Кюри во время первого урока. Жнец Кюри всегда использовала имя, которое Ситра носила как жнец. Ситра, с другой стороны, чувствовала себя страшно неловко, произнося первое имя своей наставницы: «Мари», применительно к «Госпоже Смерть» оно звучало слишком панибратски.

– Искусством вождения нельзя овладеть в совершенстве, – говорила Ситре Жнец Кюри, – потому что каждый новый маршрут отличается от тех, которыми мы уже ехали. Но, достигнув достаточно высокого уровня мастерства, ты получаешь известную награду. Суть ее – определенная свобода действий.

Ситра не знала, удастся ли ей достичь хоть какого-то уровня. Вокруг было так много вещей, которые нужно одновременно удерживать в зоне внимания! Зеркала, педали, руль, легкий поворот которого мог запросто отправить тебя вместе с машиной в пропасть. Хуже всего то, что спортивные машины Жнеца Кюри, принадлежавшие еще эпохе смертных, не связаны с сетью. Это означало то, что они никак не помогут водителю избежать ошибок.

Неудивительно, что в эпоху смертных автомобили убивали так много людей – без контроля со стороны компьютерных сетей машина превращалась в орудие убийства не менее эффективное, чем те, что использовали теперь жнецы. А интересно, из жнецов кто-нибудь применяет автомобиль в качестве инструмента жатвы? Задав себе этот вопрос, Ситра тотчас же отогнала его.

Она знала очень немногих из тех, кто умел водить. Даже ее одноклассники в школе, хва-
ставшиеся своими новенькими авто, в качестве водителя имели встроенный компьютер. В век

бессмертных управлять собственным авто – это все равно что самому себе на завтрак взбивать масло.

– Мы едем на юг уже десять минут, – сообщило Ситре авто-такси. – Вы можете определить пункт назначения?

– Нет, – коротко отозвалась она, продолжая смотреть за окно на пролетающий мимо пунктир фонарей над шоссе. Ей было бы много проще, если бы в этой поездке она вела машину сама.

До этого она даже нанесла несколько визитов автодилерам, решив – если у нее появится собственная машина, она действительно научится ее водить. Почему-то именно здесь, у торговцев автомобилями, преимущества работы жнецом были более всего очевидны.

– Пожалуйста, ваша честь, выбирайте любое из наших лучших авто, – говорили ей продавцы. – Все, что вам понравится, станет для вас нашим подарком.

Жнецы не только были выше закона; они не нуждались и в деньгах, поскольку им свободно отдавали все, что им было необходимо. Для компании, торгующей автомобилями, иметь жнеца в качестве клиента дорогого стоило – это была лучшая реклама бизнеса. В какую бы компанию Ситра ни приходила, ей предлагали выбрать что-нибудь особо броское – чтобы все головы поворачивались ей вслед, когда она поедет по улице.

– Визит жнеца – это как знак качества, – сказал ей один дилер, бывший о себе, как видно, очень высокого мнения. – Когда вы проезжаете по улице, все должны знать, что перед ними – женщина в высшей степени уважаемая и ответственная.

В конце концов Ситра решила подождать, поскольку менее всего ей хотелось символизировать знак качества для автомобильного бизнеса.

Некоторое время она потратила на то, чтобы написать в своем журнале отчет о сегодняшней жатве. Двадцать минут спустя она увидела впереди стоянку с заправочной станцией, кафе и туалетами и попросила такси свернуть с шоссе, что было немедленно выполнено.

Как только машина остановилась, Ситра сделала глубокий вдох и позвонила Жнецу Кюри, чтобы сказать, что к ночи она домой не вернется.

– Поездка слишком долгая, а вы знаете, что в такси я не могу заснуть.

– Ты могла мне не звонить, моя милая, – отозвалась Мари. – Не думай, что я сижу и терзаюсь от того, что тебя нет.

– Старые привычки долго не умирают, – сказала Анастасия. Но она знала, что Мари беспокоится о ней. Не потому, что с Ситрой могло что-то случиться – просто боялась, что та измотает себя работой.

– Тебе следовало бы выбирать объекты для жатвы поближе к дому, – сказала Мари уже, вероятно, в сотый раз. Но «Водопад», чудесный архитектурный каприз, в котором они жили, располагался глубоко в лесу, на самой восточной окраине Мидмерики, а это означало, что они, оставаясь в пределах своего округа, очень скоро выкосили бы всех обитавших там людей.

– Вы хотите сказать, что мне следовало бы больше путешествовать с вами, а не в одиночку? – спросила Ситра.

Мари рассмеялась:

– Ты права.

– Обещаю, что на следующей неделе на жатву мы поедем вместе.

Анастасия не шутила. Ей нравилось проводить время со Жнецом Кюри – и время жатвы, и время отдыха. Будучи младшим жнецом, Анастасия имела право работать под началом любого, кто изъявил бы на то свое согласие; и многие предлагали ей свое покровительство. Но только со Жнецом Кюри ее связывало особое взаимопонимание, которое хоть чуть-чуть, да облегчало ей жизнь.

– Найди местечко потеплее, моя милая, – сказала Мари. – Не перетруди свои наночастицы.

Отключив связь, Ситра еще с минуту посидела в машине, прежде чем выйти – словно Мари могла догадаться, что она задумала нечто необычное.

– Вы вернетесь, чтобы продолжить путь на юг? – спросила машина.

– Да, – ответила Ситра. – Жди меня.

– Тогда я узнаю пункт назначения?

В этот поздний час стоянка была почти пустынна.

В круглосуточном кафе и на заправке обслуживающего персонала было вполосину меньше, чем в дневные часы. Зона, где находились туалеты и душ, была чистой и хорошо освещенной. Ситра быстро направилась в ту сторону. Ночь была холодной, но в ее мантию были встроены обогревающие элементы, и в тяжелом пальто необходимости не было.

За ней никто не следил – по крайней мере, из людей. Конечно, она не могла отогнать от себя мысль, что на всем пути от машины до туалетов за ней наблюдают камеры «Гипероблака», возвышающиеся на столбах. «Гипероблако» не сидело рядом с ней в машине, но знать, где находится Жнец Анастасия и куда она направляется, было в его компетенции. Не исключено, что «Гипероблаку» были ведомы и ее намерения.

В кабинке туалета Ситра сбросила с себя мантию, тунику и легинсы, сделанные специально для нее у особого портного, и надела обычную уличную одежду, которую до этого момента прятала в складках мантии. От этого переодевания ей следалось слегка не по себе. Особым предметом гордости для жнецов было то, что они никогда не носили ничего, кроме своих мантий.

– Каждое мгновение нашей жизни отдано служению нашему делу, – говорила ей Мари. – И мы не имеем права забывать это, как бы нам ни хотелось. И наше одеяние есть свидетельство нашего призвания.

В тот день, когда Ситра приняла посвящение, Жнец Кюри объявила ей, что Ситры Терранова больше не существует.

– Ты – Жнец Анастасия, и таковой будешь пребывать до того самого момента, когда пожелаешь оставить Землю.

И Анастасия желала, чтобы это было именно так... Но иногда ей нужно было побыть просто Ситрой.

Прихватив под мышкой свернутую Анастасию, она вышла из кабинки туалета. Жнец Анастасия превратилась в Ситру, сильную и своевольную, но уже неспособную рекламировать автомобильный бизнес. В девушку, ничем особенно не приметную. Но не для «Гипероблака», которое проводило ее к ждущей на обочине машине.

В самом сердце Питтсбурга располагался огромный Мемориал Смерти – в том самом месте, где родился Жнец Прометей, ставший первым Верховным Лезвием.

Здесь по обширному парку площадью в пять акров были разбросаны куски черного вулканического стекла – фрагменты нарочно разбитого обелиска. Вокруг этих обломков стояли мраморные статуи Основателей, размерами чуть больше человеческого роста, и белый мрамор их фигур резко контрастировал с бездонной чернотой вулканического стекла.

Это был мемориал, призванный покончить с мемориалами как таковыми, мемориал, посвященный смерти.

Туристы и школьники со всего света приезжали, чтобы посетить Мемориал Смерти, где сама смерть пала ниц, поверженная жнецами. Здесь приезжие имели возможность еще раз удивиться тому обстоятельству, что в древности люди погибали от естественных причин. От старости. От болезней. В результате катастроф. Со временем весь город превратился в достопримечательность особого рода – здесь отмечалась смерть самой смерти. То есть в Питтсбурге Хеллоуин праздновался каждый день.

Повсюду устраивались маскарады и имитации колдовских ритуалов. После наступления темноты каждая башня в городе становилась Башней Ужаса, а каждый дом – Домом-с-привидениями.

Ближе к полуночи Ситра пробиралась через Мемориальный парк, браня себя за непредусмотрительность: в середине ноября ночью в Питтсбурге уже подмораживало, к тому же поднялся резкий ветер, а она не догадалась взять с собой пальто. Конечно, чтобы согреться, можно надеть мантию, но это сорвало бы все ее планы и сделало бессмысленным само переодевание. Наночастицы, согревая изнутри, пытались поднять температуру ее тела. Так она хоть не дрожала, но все равно было холодно.

К тому же без мантии она чувствовала себя уязвимой. Нагой – в самом общем смысле этого слова. Поначалу, в первые дни работы, мантия казалась ей чем-то нелепым и странным. Нередко она спотыкалась, наступив на длинные полы этого своего наряда. Но за десять месяцев, прошедших с момента посвящения, она привыкла – настолько, что теперь, переодевшись в обычную одежду, чувствовала себя странно.

В парке были и другие люди. Большинство из них либо участвовали в организованных здесь же вечеринках, либо мотались из клуба в клуб. Все были в костюмах. Мимо Ситры сновали вампиры и клоуны, балерины и сказочные звери. Единственным запрещенным костюмом в парке была мантия. Обычным горожанам было строго-настрого запрещено носить одежды, которые хотя бы отдаленно напоминали одеяние жнеца. Ряженые внимательно рассматривали проходящую мимо них Ситру. Узнали ли они ее? Конечно, нет. Они так пристально разглядывали ее потому, что в этой толпе она одна была без подходящего костюма. Она бросалась в глаза именно потому, что обходилась без привлекающего внимание наряда.

Но Ситра не сама выбрала это место. Место было указано в полученном ею письме.

Встретимся в полночь у Памятника смерти.

Ситра усмехнулась. *Полночь. Памятник смерти.* Звучит напыщенно, как в романах эпохи смертных. Но потом она поняла, от кого пришло письмо. Оно не было подписано, внизу просто стояла буква «Л». Датой встречи было указано десятое ноября. К счастью, жатва, намеченная на этот день, должна была состояться недалеко от Питтсбурга.

Питтсбург был отличным местом для тайных встреч. Жнецы неохотно заезжали сюда, и заниматься своим делом здесь не любили. Местечко казалось им чересчур мрачноватым: какие-то люди бегают в саванах, окровавленных одеждах, с пластиковыми ножами. Веселятся по поводу самых жутких и отвратительных вещей. Жнецы, относившиеся к смерти серьезно, видели в этом проявление дурного вкуса.

Хотя Питтсбург был самым близким к «Водопаду» большим городом, Жнец Кюри никогда здесь не работала.

– Убивать кого-то в Питтсбурге – это чересчур, – говорила она.

Поэтому встреча с кем-либо из собратьев по профессии Ситре представлялась маловероятной. Единственные жнецы, которых можно было наверняка здесь увидеть, были статуи в Мемориальном парке, вперившие надменные взгляды в поверженный черный обелиск.

Ровно в полночь из-за большого обломка черного обсидиана вышла мужская фигура. Поначалу Ситра решила, что это один из участников вечного Хеллоуина. Но фигура была, как и Ситра, без костюма. Свет от фонаря осветил этого человека, и по походке и посадке головы Ситра сразу же узнала, кто это.

– Я думал, ты будешь в мантии, – сказал Роуэн.

– Я рада, что ты не надел свою, – отозвалась Ситра.

Он подошел ближе, и свет упал на его лицо. Он был бледен, словно месяцами не видел солнца. Призрак, а не человек.

– Хорошо выглядишь, – сказал Роуэн.

Она кивнула, но не стала отвечать любезностью на любезность, потому что Роуэн совсем не собирался быть любезным. Холодные усталые глаза – словно, пережив больше, чем ему хотелось бы, Роуэн спрятался от себя и от всего мира за этой холодностью, чтобы уберечь хотя бы частицу своей души. Но вот он улыбнулся – теплой, искренней улыбкой. *Здравствуй, Роуэн*, – сказала Ситра про себя. – *Ты прятался, но я тебя нашла.*

Ситра увела Роуэна прочь от света, в тень, где их не мог увидеть никто, кроме инфракрасных камер «Гипероблака». Но здесь камер видно не было. Не исключено, что они нашли по-настоящему укромный уголок парка.

– Я рад вас видеть, Жнец Анастасия, – сказал Роуэн.

– Прошу тебя, не зови меня так, – попросила она. – Зови меня Ситрой.

Роуэн усмехнулся:

– Разве это не будет нарушением закона?

– Из того, что мне известно, все, что ты сейчас делаешь, есть грубейшее нарушение закона.

Роуэн помрачнел:

– Не верь всему, что слышишь.

Но Ситре это было важно, и она должна была услышать это именно от Роуэна.

– Правда, что ты убиваешь и сжигаешь жнецов?

Его явно задел вопрос – в нем он услышал обвинение.

– Да, я прерываю жизни тех жнецов, которые не заслуживают того, чтобы быть жнецами, – ответил он. – Но в моих действиях нет жестокости. Я прерываю их жизни быстро и не причиняя страданий – так же, как это делаешь ты. А сжигаю я их для того, чтобы их невозможно было восстановить.

– И Жнец Фарадей не возражает?

Роуэн отвернулся.

– Я не видел Фарадея уже много месяцев, – сказал он.

Он объяснил Ситре, что после его побега с Зимнего конклава в прошлом январе Фарадей, которого все считали мертвым, увез его в свой дом на берегу Амазонии. Но там он скрывался всего несколько недель.

– Мне пришлось уехать, – сказал Роуэн Ситре. – Я услышал... зов. Я не в состоянии этого объяснить.

Но Ситра поняла. Она знала, что за зов услышал Роуэн. Их тела и умы в течение года подвергались тренировкам, целью которых было создание совершенных убийц. Дело прекращения жизни стало естественной частью их личности. И Ситра не могла упрекнуть Роуэна в том, что он пожелал повернуть свое идеальное лезвие против коррупции, которая постепенно инфицировала сообщество жнецов. Но *желать* и *делать* – это разные вещи. Были строгие правила поведения. На то и существовали Заповеди сообщества жнецов. Без их соблюдения сообщество во всех областях, по всему миру, будет ввергнуто в состояние хаоса.

Но, не желая втягивать Роуэна в философский спор, который все равно никуда бы их не привел, Ситра решила поменять тему.

– Ты такой худой! – сказала она. – Ты хоть ешь?

– Ты мне теперь будешь мамой?

– Нет, – ответила Ситра спокойно, – я – твой друг.

– Понятно, – отозвался Роуэн несколько уныло. – Друг...

Ситра понимала, куда он клонит. В последний раз, когда они виделись, они оба произнесли слова, которые, как до этого они поклялись, ни в коем случае не должны были сорваться с их уст. В горячке той отчаянной, но принесшей им победу минуты Роуэн сказал Ситре, что любит ее, а она призналась, что любит его тоже.

Но что им с того теперь? Они же живут в двух совершенно разных мирах. Если они будут следовать своим чувствам, добра им это не принесет. И тем не менее Ситре не хотелось отгонять эти воспоминания. Она даже подумала – а не сказать ли ему снова о своей любви? Но придержала язык, как то и положено образцовому жнецу.

– Зачем мы сюда пришли, Роуэн? – спросила она. – Почему ты написал мне то письмо? Роуэн вздохнул.

– Жнецы намереваются поймать меня, – сказал он. – И мне хотелось увидеть тебя перед тем, как они это сделают.

Он замолчал, задумавшись.

– Ты знаешь, что произойдет, как только меня поймают. Я буду убит.

– Они не смогут этого сделать, – покачала головой Ситра. – У тебя иммунитет.

– Осталась лишь пара месяцев. После этого они смогут сделать все, что задумали.

Ситре хотелось заронить в душу Роуэна хотя бы тень надежды, но она, как и он сам, слишком хорошо понимала реальное положение вещей. Сообщество жнецов желало смерти Роуэна. Даже старая гвардия не одобряла то, что он делает.

– Тогда не попадайся им, – сказала Ситра. – И, если увидишь жнеца в малиновой мантии, беги.

– Малиновой мантии?

– Да. Это Жнец Константин, – произнесла Ситра. – Ему лично поручено выследить тебя и доставить к жнецам.

Роуэн покачал головой:

– Я его не знаю.

– Я тоже. Хотя и видела его на конклаве. Он возглавляет в сообществе жнецов бюро расследований.

– Он из новых? Или относится к старой гвардии?

– Ни то, ни другое. Сам по себе. Друзей у него нет; во всяком случае, я не видела, чтобы он говорил с кем-нибудь из других жнецов. Не знаю, какие цели он преследует... Может быть, справедливость?

Роуэн рассмеялся.

– Справедливость? Вряд ли сообщество жнецов теперь знает, что такое справедливость.

– Некоторые знают, Роуэн, – отозвалась Ситра. – Я должна верить, что мудрость и здравый смысл в конечном счете восторжествуют.

Роуэн протянул руку и дотронулся до ее щеки, и она позволила это сделать.

– Я тоже хочу в это верить, Ситра, – сказал он. – Я хочу верить, что сообщество жнецов станет таким, каким должно быть... Но иногда, чтобы добраться до места назначения, нужна полная тьма.

– Тьма – это ты?

Роуэн ничего на это не ответил. Вместо этого он проговорил:

– Я принял имя Люцифер. Оно означает «Светоносный».

– Но именно так смертные называли дьявола, – покачала головой Ситра.

Роуэн пожал плечами:

– Факелоносец всегда отбрасывает самую черную тень.

– Даже тот, кто присвоил этот факел незаконно?

– Мне кажется, – вновь пожал плечами Роуэн, – что я теперь могу присвоить все, что пожелаю.

Ситра не ожидала от него подобных слов. А он произнес их таким обыденным тоном, что Ситра была ошеломлена.

– О чем ты говоришь?

– «Гипероблако», – ответил он. – Оно позволяет мне делать все, что мне угодно. И оно обращается со мной так же, как и с тобой – не говорит и не отвечает на мои вопросы с того момента, как мы поступили в ученики к Жнецу Фарадею. То есть оно и сейчас считает меня жнецом.

Ситра задумалась. Она думала о том, о чем никогда Роуэну не говорила. Не говорила вообще никому. «Гипероблако» живет по своим собственным законам и никогда их не нарушает... Но иногда находит способы их обойти.

– «Гипероблако» могло и не говорить с тобой. Зато со мной оно говорило, – призналась, наконец, она.

Роуэн повернулся к Ситре и приблизил свое лицо к ее лицу, пытаясь заглянуть ей в глаза и понять, шутит она или нет. Поняв, что Ситра вполне серьезна, он покачал головой:

– Но это же невозможно!

– Я тоже так думала. Но когда Высокое Лезвие обвинил меня в убийстве Жнеца Фарадея, я вынуждена была броситься с двухсотого этажа его резиденции. Помнишь? И пока я была мертва, «Гипероблако» смогло проникнуть в мою голову и активировать мыслительные процессы. Технически, пока я была мертва, я не была учеником жнеца, а потому, пока мое сердце не забилося вновь, «Гипероблако» смогло со мной говорить.

Ситра вынуждена была признать, что это было весьма элегантным способом нарушить правила. И Ситра гордилась своей удачей.

– И что же оно тебе сообщило?

– Оно сказала, что в будущем я стану... играть определяющую роль.

– Определяющую? Это как?

Ситра удрученно покачала головой:

– В том-то и дело, что деталей оно не сообщило. Понимало, что если расскажет мне все, то нарушит закон.

Потом Ситра приблизилась к Роуэну. Теперь она говорила спокойнее, но с большей силой в голосе. Веско и с полной серьезностью.

– Если бы ты спрыгнул с этого здания и на время умер, то и с тобой бы «Гипероблако» заговорило.

Ситра взяла его за руку – это было самое большее, что она могла позволить себе.

– Я думаю, ты тоже играешь определяющую роль. Я просто уверена в этом. Поэтому не дай им себя схватить – чем бы ты ни занимался.

Вы можете смеяться, но меня буквально бесит мое собственное совершенство. Люди учатся на собственных ошибках. Я же не могу этого делать, ибо таковых не совершаю. Когда приходит время принимать решение, я неизменно принимаю самое оптимальное из всех возможных. В целом правильно, и варианты касаются лишь незначительных деталей.

Из этого не следует, что у меня нет проблем. Достаточно непросто было исправить то, что человечество сотворило с Землей в период своей молодости. Нужно было восстановить озоновый слой, уничтожить газы, вызвавшие парниковый эффект, очистить моря и океаны, восстановить тропические леса, а также спасти множество видов, находившихся на грани исчезновения.

Мне удалось решить эти проблемы на протяжении одной жизни человека эпохи смертных. Так как я есть совокупность всех знаний, которыми располагает человечество, мои успехи показали: человечество было бы само в состоянии сделать то, что было сделано мной. Нужен был просто некто, наделенный безграничной волей и властью.

Я располагаю и тем, и другим. Волей и властью.
«Гипероблако»

Глава 6

Возмездие

ИСТОРИЯ НИКОГДА НЕ БЫЛА коньком Роуэна, но ученичество у Фарадея заставило его по-другому взглянуть на этот предмет. До этого он никоим образом не был в состоянии соотнести события своей жизни, даже относящиеся к ближайшему будущему, с определенными их событиями прошлого, особенно – со странными эпизодами эпохи смертных. Но, став учеником жнеца, он увидел историю как последовательность событий, в которых ответственность, честь и честность играли определяющую роль. Он постиг философию и психологию лучших моментов жизни человечества – с момента его рождения до настоящего дня. И все это восхищало Роуэна. История оказалась населенной людьми, которые жертвовали собой ради общего блага. В каком-то смысле это относилось и к жнецам, которые отказывались от своих личных желаний и надежд во имя служения обществу. Или, по меньшей мере, к жнецам, которые уважали традиционные, базовые ценности сообщества.

Именно таким жнецом мог бы быть Роуэн. Даже после ученичества у Годдарда, где ему пришлось демонстрировать и жесткость, и кровожадность, он сохранил благородные черты своей натуры. Но ему не дали возможности стать жнецом. И тогда он пришел к мысли, что может иным способом служить и сообществу жнецов, и человечеству в целом.

К этому моменту общий счет уничтоженных им жнецов составлял тринадцать. Чертова дюжина. Этих недостойных, ставших позором для сообщества, он находил в разных областях мира.

Свои будущие жертвы Роуэн изучал досконально, так, как учил его Жнец Фарадей, и выбор делал непредвзято и ответственно. Это было очень важно, потому что изначально он склонялся к тому, чтобы выискивать коррупцию только в среде молодых жнецов новой генерации. Именно эти чаще всего открыто бравировали своей жестокостью и получали удовольствие от самого процесса убийства. Они считали, что в этом нет ничего страшного, и, таким образом, превращали отклонение в норму. Но, оказывается, у этих молодых негодяев были соперники в искусстве зла – и среди жнецов старой гвардии, и среди неприсоединившихся. Эти жнецы были искусными лицемерами: на словах они отстаивали высокие идеалы, но за громкими фразами прятали и свою любовь к власти, и неоправданную жестокость.

Жнец Брамс был первым из жнецов, кому Роуэн сделал предупреждение. И в тот день именно от того, что он *не* убил Брамса, Роуэн чувствовал себя очень хорошо. Он словно напомнил себе самому, что не похож на Годдарда и его учеников. И поэтому он смог встретиться лицом к лицу с Ситрой – не испытывая стыда за свои поступки.

Пока все народонаселение Мидмерики готовилось встретить приближающийся День благодарения, Роуэн занимался тем, что одновременно изучал сразу несколько возможных целей. Он следил за ними, производя детальный анализ их работы. Жнец Гери любил назначать секретные встречи, но использовал их для того, чтобы договариваться о званных обедах и заключать спортивные пари. Жнец Хендрикс хвастался своими двусмысленными поступками, но все это была пустая болтовня; в действительности он был человеком робким, а жатвой занимался, в должной мере сочувствуя своим жертвам. Работа Жнеца Райда производила впечатление кровавого жестокого действия, но люди, которых он подвергал жатве, умирали быстро и без мучений. Зато Жнец Ренуар выглядел вполне оправданной целью.

Когда Роуэн вернулся домой, то, еще не открыв дверь, он понял, что внутри кто-то есть – дверная ручка была холодной. Дело в том, что в дверную ручку он вставил охлаждающий чип, который начинал действовать, когда ручку поворачивали по часовой стрелке – как все дверные ручки. Холод был не слишком сильным, и следов изморози не было, но понять, что кто-то находится внутри, было нетрудно.

Убежать? Но Роуэн был не из тех, кто бежит от опасности. Сунув руку в карман, он достал нож: он всегда носил с собой оружие, даже тогда, когда на нем не было черной мантии, – не станут же агенты сообщества жнецов предупреждать его о своем нападении заранее!

Но непрощенный гость даже не думал прятаться. Вместо этого он сидел на самом виду, за кухонным столом, и ел бутерброд.

– Привет, Роуэн, – произнес Тигр Салазар, не прекращая жевать. – Надеюсь, ты не против? А то я, пока тебя ждал, жутко проголодался.

Роуэн закрыл дверь и спрятал нож до того, как Тигр мог бы его увидеть.

– Какого черта ты здесь делаешь, Тигр? – спросил он. – И как ты меня нашел?

– Как же низко ты меня ценишь! – отозвался Тигр. – А я ведь не последний дурак. Не забывай, что это я познакомил тебя с парнем, который дал тебе фальшивое удостоверение. Я просто спросил у «Гипероблака», где мне найти Рональда Дэниелса. Понятно, там были сотни таких Рональдов, поэтому пришлось попотеть, пока я не нашел нужного.

Во времена, предшествовавшие ученичеству Роуэна, Тигр Салазар был его лучшим другом, но такие ярлыки мало что значат после того, как ты целый год проводишь, учась убивать. Роуэн испытывал то, что, вероятно, испытывали вернувшиеся с войны солдаты эпохи смертных. Старые друзья остались где-то далеко, за туманом военных событий, в которых они не принимали участия. Единственное, что связывало Роуэна и Тигра, это было их общее прошлое, но оно становилось все более и более отдаленным. Теперь Тигр был профессиональным гостем – профессия, к которой Роуэн относился с презрением.

– Нужно было предупредить меня заранее, – сказал Роуэн. – За тобой не следили?

Последний вопрос был из разряда глупых. Тигр вряд ли пришел бы к нему в гости, если бы заметил за собой хвост.

– Успокойся, – покачал головой Тигр. – Никто не знает, что я здесь. И почему ты думаешь, что весь мир только тем и озабочен, чтобы тебя поймать? То есть почему ты решил, что жнецы будут преследовать того, кто сбежал из учеников?

Роуэн не ответил. Вместо этого он подошел к шкафу и прикрыл его дверь, надеясь, что Тигр из любопытства не заглянул внутрь и не увидел там мантию Жнеца Люцифера. Конечно, он вряд ли бы понял, что он нашел – обычные люди ничего не знали о Жнеце Люцифере, потому что сообщество жнецов тщательно хранило свои секреты от журналистов. Чем меньше Тигр знает, тем лучше. Поэтому Роуэн прибег к старому испытанному средству покончить с неудобными вопросами:

– Если ты мне действительно друг, ты не будешь задавать лишних вопросов.

– Ладно, не буду! Чем круче мужик, тем больше у него тайн.

Тигр отправил в рот остатки бутерброда.

– По крайней мере, ты все еще ешь человеческую пищу, – сказал он.

– Что тебе нужно, Тигр? Зачем ты меня искал? – спросил Роуэн.

– И так ты разговариваешь с другом? Я тащился сюда, за тридевять земель, а ты даже не спросишь, как у меня дела?

– И как твои дела?

– Отлично! Я нашел новую работу. Правда, в другом месте. Я и пришел-то сюда, чтобы попрощаться.

– Ты имеешь в виду, постоянную работу? – спросил Роуэн. – Постоянную работу на вечеринках?

– Не совсем. А платят там лучше, чем в гостевом агентстве, где я работал. И, в конце концов, нужно же когда-то и мир посмотреть. Работа в Техасе.

– В Техасе?

Роуэн был явно обеспокоен.

– Тигр, но там... Там же все по-другому. Все говорят – не связывайтесь с Техасом. Тебе-то зачем туда лезть?

– Это ведь зона действия Хартии. Там делаются большие дела. Но ведь тот факт, что в Зоне Хартии все непредсказуемо, не означает, что там все настолько плохо, правда? Ты меня хорошо знаешь, и знаешь, что мое среднее имя – «непредсказуемый».

Роуэну пришлось подавить смех. Тигр был одним из самых предсказуемых людей, которых он знал. Можно было с высочайшей точностью предсказать, когда он начнет сигать с крыш, когда станет профессиональным гостем. Тигр, конечно же, волен был думать о себе как о свободном от всяких условностей духе, но это никак не соответствовало действительности. Он лишь определял размеры собственной клетки.

– Ладно, только будь поосторожнее, – сказал Роуэн, заранее зная, что Тигр не последует его совету, хотя и умудрится в любом случае никогда не утратить опоры под ногами. *А был ли он сам когда-либо столь же беззаботен, как и Тигр?* Нет. Но он не завидовал Тигру. И, может быть, именно поэтому они были друзьями.

Возникла некая неловкость, но причины ее не были Роуэну понятны. Тигр встал, но почему-то не уходил. Оставалось еще нечто, что он хотел поведать.

– У меня кое-какие новости, – сказал он. – Собственно, я здесь именно поэтому.

– Что за новости?

Но Тигр все еще мялся и не решался говорить. Роуэн напрягся, догадываясь, что новости будут не лучшего сорта.

– Мне очень жаль, Роуэн... но твой отец был подвергнут жатве.

Роуэн почувствовал, как Земля поплыла под ногами. Гравитация, похоже, была готова бросить его в совершенно непредсказуемом направлении. Потерять равновесие он не мог, но ощущения были тошнотворными.

– Роуэн, ты слышал, что я сказал?

– Слышал, – тихо отозвался Роуэн.

Столько мыслей и чувств одновременно пронеслось через его сознание, замкнувшись друг на друга, что Роуэн не знал, что и думать. Он не надеялся, что когда-нибудь вновь увидит кого-то из своих родителей, но знать наверняка, что твой отец навсегда ушел из этой жизни, что он умер... Роуэн видел многих людей, подвергнутых жатве. Он и сам уничтожил тринадцать человек. Но никогда Роуэн не терял кого-то, столь близкого ему.

– Я не могу прийти на похороны, – сказал Роуэн, вдруг осознав весь драматизм ситуации. – Меня ищут агенты сообщества жнецов.

– Если агенты там и были, то я их не видел, – отозвался Тигр. – Похороны прошли на той неделе.

Эта новость нанесла Роуэну столь же тяжелый удар, как и первая.

Тигр пожал плечами, словно извиняясь.

– Я же тебе говорил, – произнес он. – Людей с таким именем, как у тебя, тысячи. Пришлось попотеть, пока я тебя нашел.

То есть его отец был мертв уже неделю. И, если бы Тигр не нашел его, Роуэн бы ничего не знал. И вдруг страшная истина открылась Роуэну: это было не случайное событие.

Это было наказание.

Возмездие за то, что совершил Жнец Люцифер.

– Кто из жнецов сделал это? – спросил Роуэн. – Я должен знать.

– Мне не сказали. Жнец потребовал, чтобы семья хранила молчание. Жнецы иногда так поступают – ты же лучше меня знаешь.

– Но он ведь дал другим иммунитет?

– Конечно. Твоей матери, братьям, сестрам. Как обычно.

Роуэн принялся расхаживать по комнате, с трудом подавляя в себе желание хорошенько стукнуть Тигра за его тупость. Но, в конце концов, в чем он виноват – он лишь принес известие. Да, семья получила иммунитет – но это ведь только на год. Тот жнец, что убил его отца, через год убьет его мать, потом – через год, кого-то из братьев или сестру. И так будет продолжаться, пока вся его семья не исчезнет с лица Земли. Да, вот она, плата за право быть Жнецом Люцифером.

– Это моя вина, – произнес он. – Они сделали это из-за меня.

– Роуэн! Тебе бы послушать себя со стороны, – сказал Тигр. – Не все в этом мире происходит из-за тебя. Что бы ты там ни сделал, когда расплевался со жнецами, вряд ли они стали бы тебе за это мстить и убивать твою семью. Жнецы совсем не такие. Они ни на кого не держат обиды. Они благородные и просвещенные люди.

Какой смысл был с ним спорить? Тигр никогда не поймет, да ему, вероятно, и не нужно ничего понимать. Пусть живет себе тысячи лет таким счастливчиком, мальчиком-с-вечеринки, не догадываясь, насколько мелочными, мстительными, насколько *человечными* могут быть жнецы.

Роуэн знал, что не может больше оставаться здесь. Даже если за Тигром не было хвоста, сообщество жнецов выследит жилище Роуэна по следам его приятеля. Насколько Роуэн понимал, за ним охотится целая группа агентов.

Они с Тигром попрощались, и Роуэн как можно поспешнее проводил старого друга до дверей. И уже через минуту сам вышел из дома, прихватив лишь рюкзак, набитый оружием, да черную мантию Жнеца Люцифера.

Важно понимать, что мое пристальное внимание к делам человеческим не является слежкой. Слежка предполагает наличие мотива, подозрения и, в конечном итоге, суждения. Ни один из этих компонентов не включен в используемый мной алгоритм. Я наблюдаю за людьми с одной только целью: быть полезным всем и каждому из них. С другой стороны, я не вправе проникать туда, где люди сами определили для меня границы своей личной жизни, и я пытаюсь понять, где последние находятся.

Я не могу не учитывать то, что люди не всегда желают ощущать мое присутствие в их жизни. По этой причине были отключены мои камеры в зоне действия Хартии в Техасе. Как и все, что я делаю в Зоне Хартии, это – эксперимент. Я хочу проверить, повлияет ли отсутствие возможности наблюдать за тамошней жизнью на эффективность моего правления. Если не повлияет, то я не вижу причины, по которой мне нельзя было бы отключить камеры в значительной части частных домов и квартир по всему миру.

Тем не менее, если от того, что я не вижу чего-то, возникнут проблемы, это докажет необходимость уничтожить все «слепые» пятна на Земле, куда не падает взор моих камер.

Я надеюсь на первое, хотя подозреваю, что случится второе.

«Гипероблако»

Глава 7

Худощавый, но с хорошим потенциалом

ТИГР САЛАЗАР ЖИЛ насыщенной жизнью.

До этого он просто тратил время впустую, теперь же ему за это платили как профессионалу. Лучшей жизни для себя он не мог и представить. Поскольку он постоянно терся среди жнецов, то кто-то из них просто обязан был обратить на него внимание. Может быть, он даже протянул бы ему руку с кольцом, чтобы надеть годичным иммунитетом. Но чтобы тот нанял Тигра на постоянную работу – этого он даже предположить не мог! Тем более жнец из другой области.

– Ты доставил нам большое удовольствие своим присутствием на вечеринке в прошлом году, – сказала ему женщина по телефону. – Нам понравился твой стиль.

И она предложила ему зарплату вдвое большую, чем он получал, продиктовала адрес и указала время, когда ему надлежало явиться.

Выйдя из поезда, Тигр сразу понял, что он уже не в Мидмерике. В Техасе официальным языком был английский язык эпохи смертных, на котором говорили с неким музыкальным акцентом. Он был достаточно похож на стандартный английский, который Тигр понимал, но, чтобы говорить на нем, нужно было так напрягаться, что у Тигра едва не лопалась голова. Это было все равно что слушать Шекспира.

Люди здесь одевались немного не так, как в Мидмерике, и вышагивали с особой вызывающей развязностью, имитировать которую Тигр быстро научился. Ему стало интересно, насколько он сюда приехал. Наверное, на достаточно долгий срок, чтобы накопить денег и купить себе машину, которую родители ему вряд ли когда-нибудь купят. Не вечно же ему разъезжать повсюду в авто-такси!

Встреча состоялась в городе Сан-Антонио, а записка с адресом привела Тигра в апартаменты, располагавшиеся в пентхаусе высотки, стоящей над небольшой речкой. Тигр решил, что сразу попадет на вечеринку, причем – ни на минуту не прекращающуюся. Реальность оказалась полной противоположностью тому, что он предполагал.

У входа его встретил не слуга, а жнец. Женщина с темными волосами и слегка паназиатской внешностью, показавшейся Тигру знакомой.

– Тигр Салазар, я полагаю, – произнесла женщина.

– Совершенно верно, – отозвался Тигр. Он вошел. Апартаменты, как он и ожидал, были просто шикарными. То, чего он никак не ожидал, было полное отсутствие других гостей. Но, как он как-то говорил Роуэну, он всегда был готов приспособиться к новым обстоятельствам. Куда ветер дует, туда он и полетит.

Тигр полагал, что женщина предложит ему поесть или выпить – дорога была неблизкой, – но ничего этого она не предложила. Вместо этого она осмотрела его – так, как осматривают скот на аукционе.

– Мне нравится ваша мантия, – проговорил он, решив, что лесть никому еще не вредила.

– Спасибо! – отозвалась жнец.

А потом неожиданно попросила:

– Сними рубашку, пожалуйста!

Тигр вздохнул. Так вот какого сорта эта новая работа!

И вновь оказался далек от истины.

Как только рубашка была снята, женщина принялась изучать его тело. Заставила напрячь бицепсы, проверила, насколько они тверды.

– Худощавый, но с хорошим потенциалом, – наконец сказала она.

– Что вы имеете в виду? – не выдержал Тигр. – Что значит «худощавый»? Я из спортзала не вылезаю.

– Значит, недостаточно, – усмехнулась женщина. – Но это легко исправить.

Потом она сделала шаг назад, еще раз окинула Тигра оценивающим взглядом и произнесла:

– Физически не лучший вариант, но при сложившихся обстоятельствах ты – совершенство.

Тигр ждал, что она продолжит, но жнец молчала.

– Совершенство в каком смысле? – спросил он.

– Время придет – узнаешь.

И вдруг его пробило, и от волнения он едва не затрясся.

– Вы хотите, чтобы я стал вашим учеником?

Женщина усмехнулась:

– Ну что ж, можно сказать и так.

– О, так это лучшая из новостей! Вы не будете разочарованы! Я быстро учусь, и я очень прилежный! Не в смысле зубрила, но сообразительный. И мозгов до черта!

Жнец подошла ближе и улыбнулась. Изумруд на ее ярко-зеленой мантии поймал свет и засверкал.

– Поверь мне, – сказала Жнец Рэнд. – Для этого твоего ученичества мозги совсем не нужны.

Часть 2

Угроза жизни

До того как мне были переданы обязанности по управлению миром, Земля была способна поддерживать существование не более десяти миллиардов человек. Если бы планета перешла эту красную черту, наступило бы перенаселение со всеми его последствиями: голодом, страданиями, а также тотальным крахом общественных устоев.

Мне удалось предотвратить эти жуткие вещи.

Просто удивительно, какое количество людей может поддерживать хорошо управляемая экосистема! Под словами «хорошо управляемая» я имею в виду «хорошо управляемая мной». Само по себе человечество просто неспособно оценивать варианты своего существования, но под моим управлением, несмотря на то что население выросло многократно, мир кажется гораздо менее плотно населенным. А благодаря развитию под моим руководством новых способов проживания, включая комфортабельные подземные дома, свободных от присутствия человека территорий на Земле стало гораздо больше, чем в эпоху смертных.

Без моего деликатного вмешательства баланс между количеством населения и объемом ресурсов неизбежно был бы нарушен. Я содрогаюсь при одной мысли о подобной перспективе. Слава богу, я здесь, и мне даны силы, чтобы предотвратить такое развитие событий.

«Гипероблако»

Глава 8

Ни при каких обстоятельствах

ГРЕЙСОН ТОЛЛИВЕР ЛЮБИЛ «Гипероблако». Да и как его можно не любить, как это делает большинство людей? В нем нет ни злобы, ни вероломства, ни коварства, и оно всегда знает, что нужно сказать. «Гипероблако» одновременно существовало во всех компьютерах, что только есть в мире, жило в доме каждого человека – заботливая невидимая рука на его (или ее) плече. И хотя «Гипероблако» могло одновременно, без малейших усилий, говорить с миллиардом и более людей, оно умело создать ощущение, что каждому из них оно отдает свое время и внимание индивидуально.

«Гипероблако» было ближайшим другом Грейсона. Главным образом потому, что вырастило его. Его родители были так называемыми серийными родителями. Они любили заводить семью, но не желали воспитывать детей. Грейсон с сестрой были пятой семьей своего отца и третьей семьей своей матери. Родители быстро устали от своих новых отпрысков и, когда они дистанцировались от родительских обязанностей, за дело взялось «Гипероблако». Оно помогло Грейсону с домашними заданиями, объясняло, как себя вести в школе и что надеть на первое свидание. И, хотя «Гипероблако» не могло в каком-либо подобающем физическом облике явиться на его школьный выпуск, оно сфотографировало Грейсона во всех мыслимых и немыслимых ракурсах, а потом на славу угостило отличным обедом, который ему прислали на дом. Ничего даже близко подобного для него не сделали его биологические родители, как раз отправившиеся в гастрономический тур по Паназии. Не приехали и сестры Грейсона. Они учились в разных университетах, там как раз шла зачетная неделя, и сестры дали Грейсону понять, что требовать их присутствия на церемонии выпуска – это с его стороны жуткий эгоизм.

Но «Гипероблако» было с ним – как, впрочем, и всегда.

– Я тобой горжусь, Грейсон! – сказало оно.

– А ты сказало то же самое миллионам других выпускников, которые сегодня тоже окончили школу? – спросил Грейсон.

– Только тем, кем я действительно горжусь, – ответило «Гипероблако» и, помедлив мгновение, добавило:

– К тому же ты даже сам не представляешь, какой ты замечательный парень.

Грейсон же не видел в себе ничего особо замечательного. Обычный парень, и никаких свидетельств обратного. Потом он понял – «Гипероблако» его просто успокаивает.

И тем не менее «Гипероблако» всегда говорило то, что имело в виду.

Служить «Гипероблаку» Грейсона никто не заставлял и не уговаривал – это был его осознанный выбор. Несколько лет он мечтал стать агентом Нимбуса в команде, обеспечивающей Интерфейс Управления. Самому «Гипероблаку» Грейсон об этом не говорил, боясь, что оно сразу же отвергнет его или начнет отговаривать. Но, когда он подал заявление в Мидмериканскую академию Нимбуса, «Гипероблако» просто сказало ему: «Мне приятен твой выбор», после чего познакомило с такими же, как Грейсон, подростками из округа, мечтающими о той же, что и он, работе. Опыт общения с ними был неожиданным. Его будущие коллеги оказались удивительно скучными людьми.

– И что, я тоже такой? – спросил Грейсон «Гипероблако». – Такой же серенький зануда?

– Я так не думаю, – отозвалось «Гипероблако». – Видишь ли, многие начинают работать на мой Интерфейс Управления потому, что им не хватает креативности, которая помогла бы им найти по-настоящему интересную работу. У иных снижен жизненный тонус, и они просто предпочитают находиться в орбите притяжения чьей-то силы и власти. Вот эти действительно что ни на есть скучные ребята, и, как правило, из них получаются самые плохие агенты Нимбуса.

Тех же, у кого желание служить мне составляет черту характера, очень мало. А ты – именно таков.

Это была чистая правда: Грейсон действительно хотел служить, причем служить не по принуждению. Власть или престиж ему были не важны. Конечно, ему нравились хрустящие на складках серые костюмы и небесно-голубые галстуки агентов Нимбуса, но и это не было основной мотивации, которая влекла его. Просто «Гипероблако» сделало для него так много, что он хотел что-то сделать и для него. Выше призвания, чем быть представителем «Гипероблака», он себе и представить не мог – поддерживать жизнь и порядок на планете, работая ради улучшения людей и самой жизни на Земле.

Чтобы стать жнецом или, в случае неудачи, не стать им, нужен был год ученичества. Агентов Нимбуса готовили пять лет. Четыре года отводилось на сам курс обучения, пятый год – на полевую практику в качестве путешествующего агента.

Грейсон был готов пять лет посвятить учебе, но уже через два месяца после начала подготовки в Мидмериканской академии Нимбуса он увидел на своем пути препятствия. Его расписание, состоящее из классов по истории, философии, теории цифровых систем и юриспруденции, неожиданно оказалось пустым. По совершенно неизвестным причинам он был исключен из учебного процесса. Было ли это ошибкой? Но как могла произойти ошибка? «Гипероблако» никогда не ошибается. Не исключено, размышлял Грейсон, что ведение расписания было передано в человеческие руки, а люди, в отличие от «Гипероблака», вполне способны все перепутать. Поэтому он отправился к секретарю академии, надеясь разобраться в сути произошедшего.

– Нет, – ответил на его вопрос секретарь, продемонстрировав на своей физиономии отсутствие как удивления, так и сочувствия. – Никаких ошибок. По моим данным, вы не записаны ни на какие курсы. Хотя вот здесь для вас сообщение.

Сообщение было кратким и недвусмысленным. Грейсон Толливер обязан был немедленно явиться к начальству Интерфейса Управления.

– Зачем? – спросил Грейсон, но секретарь лишь пожал плечами и посмотрел через Грейсоново плечо на следующего студента, ожидающего своей очереди.

Хотя самому «Гипероблаку», для того чтобы заниматься своими делами, не было нужды в специальном месте, люди, которые на него работали, такие места имели. В каждом городе, в каждой области располагался офис Интерфейса Управления, где во благо мира трудились тысячи агентов Нимбуса, и трудились со всем возможным старанием. «Гипероблаку» удалось создать нечто уникальное в истории человечества – бюрократию, которая действительно работала.

Офисы Интерфейса Управления, или ИУ, как их обычно называли, не отличались богатством убранства, но не были в этом отношении и вызывающе аскетичны. В каждом городе это было здание, которое отлично гармонировало с окружающей архитектурной средой. По сути, найти офис ИУ было проще простого: ищи самое неприглядное здание в городе! В Фалкрум-Сити, столице Мидмерики, это было мощное здание из белого гранита, с окнами темно-синего стекла. Его высота в шестьдесят семь этажей равнялась средней высоте домов в центре города. Однажды Мидмериканские агенты Нимбуса попытались убедить «Гипероблако» надстроить над зданием башню, чтобы, так сказать, произвести впечатление на население города, да и всего мира.

– У меня нет ни желания, ни необходимости производить на кого-либо впечатление, – ответило «Гипероблако» разочарованным агентам. – А если вы собираетесь сделать Интерфейс Управления чем-то более выдающимся, чем он есть на самом деле, вам следует пересмотреть свои приоритеты.

Выслушав отповедь «Гипероблака», Мидмериканские агенты Нимбуса с поджатыми хвостами вернулись к исполнению своих обязанностей. «Гипероблако» воплощало в себе силу и

власть, но без тени высокомерия. Даже будучи глубоко разочарованными, агенты Нимбуса не могли не преклоняться перед бескорыстной и чистой натурой своего работодателя и покровителя.

Грейсон чувствовал себя в высшей степени неудобно, когда, пройдя через вращающиеся двери, оказался в вестибюле, отделанном полированным мрамором. Это был светло-серый мрамор, в тон костюмам, которые носили сновавшие повсюду служащие. У Грейсона не было такого костюма. Единственное, что он мог подобрать, чтобы не выпасть из общего стиля, были немного помятые широкие брюки, белая рубашка да зеленый галстук, постоянно, несмотря на все усилия хозяина, сползавший набок. «Гипероблако» подарило ему этот галстук несколько месяцев назад. А интересно, знало ли «Гипероблако», что Грейсона вызвали в офис ИУ?

У стойки Грейсона приветствовала ждавшая его девушка, младший агент. Она была милой и веселой, и пожала руку Грейсону немного более оживленно, чем он ожидал.

– У меня только что началась полевая практика, – сообщила она. – Должна сказать, я никогда не слышала, чтобы первокурсников вызывали к самому высокому начальству.

Говоря это, она продолжала потряхивать руку Грейсона, и тот, чувствуя себя крайне неловко, начал размышлять – вырвать ему свою ладонь из ее цепкого пожатия или оставить все как есть, во избежание худшего. Наконец он освободил руку, притворившись, что ему нужно почесать нос.

– Ты сделал либо что-то очень хорошее, либо что-то совсем плохое, – сказала наконец девушка.

– Я вообще ничего не делал, – ответил Грейсон, чему она, что было совершенно понятно, не поверила.

Агент проводила Грейсона в уютную гостиную, где стояли два кресла с высокими спинками, книжные полки с томами классиков и обычными в этой обстановке безделушками, а в центре – кофейный столик, на котором располагалось серебряное блюдо с пирожными и кувшин с ледяной водой. Это была обычная «комната для аудиенций», целью которой было придать нечто человеческое процедуре общения с «Гипероблаком». Это обеспокоило Грейсона, потому что он всегда общался с «Гипероблаком» напрямую.

К чему все это – он понять не мог.

Через несколько минут в гостиную вошел и представился агентом Трэкслером стройный человек, который выглядел крайне утомленным, несмотря на то что день едва начался. Этот человек подпадал именно под ту категорию, о которых говорило «Гипероблако». Унылый тип, лишенный огонька в душе.

Он сел напротив Грейсона и начал разговор с общих мест:

– Надеюсь, ты легко нашел дорогу, бла-бла-бла... Угощайся, возьми пирожное, бла-бла-бла...

Грейсон был уверен, что эти пустые фразы этот тип говорит всем и каждому, кто приходит на аудиенцию. Наконец агент Трэкслер приступил к делу.

– Ты знаешь, почему тебя вызвали? – спросил он.

– Нет, – ответил Грейсон.

– Уверен, что это так.

– *Зачем тогда спрашиваешь?* – подумал Грейсон, но вслух высказаться не рискнул.

– Тебя вызвали, потому что «Гипероблако» попросило *меня* напомнить тебе о правилах нашего агентства относительно сообщества жнецов.

Грейсон был оскорблен и не стал скрывать этого.

– Я знаю правила, – сказал он.

– Да, – кивнул головой Трэкслер, – но «Гипероблако» попросило *меня* напомнить тебе о них.

– А почему «Гипероблако» не сделало это само?

Агент Трэкслер раздраженно промычал. Этот звук он, вероятно, регулярно практиковал.
– Как я уже сказал, «Гипероблако» попросило *меня* напомнить тебе об этом.

Так мы далеко не уйдем.

– Хорошо, – сказал Грейсон.

И, понимая, что его собственная злость заставила его перейти границы допустимого, он крутнул педали назад и как можно более вежливо произнес:

– Я искренне благодарен вам, агент Трэкслер, за то, что вы проявили ко мне личный интерес. Можете считать, что я вполне усвоил ваше напоминание.

Но Трэкслер извлек из кармана блокнот.

– Предлагаю пройти по правилам, – сказал он.

Грейсон глубоко вздохнул и задержал воздух, отчаянно борясь с желанием заорать. О чем там «Гипероблако» себе думает? Когда он вернется в свою комнату в общежитии, то хорошенько поговорит с ним. В общем-то, они нередко спорили. Конечно, «Гипероблако» всегда побеждало в споре – даже тогда, когда проигрывало, потому что Грейсон знал: оно поддается нарочно.

– Статья первая, об отделении сообщества жнецов от государства... – начал Трэкслер, после чего читал в течение почти целого часа, периодически проверяя, слушает ли Грейсон, вопросами: «Ты слушаешь?» и «Ты понял?» На это Грейсон либо кивал и говорил «да», либо повторял последние произносимые агентом слова.

Когда Трэкслер наконец закончил, он отложил блокнот и сказал:

– Теперь проведем тест.

Потом вытащил две фотографии, показав их Грейсону. На первой тот сразу же распознал Жнеца Кюри – по бледно-лиловой мантии и длинным седым волосам. На второй фотографии была изображена девушка возраста самого Грейсона. Судя по ее бирюзовой мантии, она тоже была жнецом.

– Если бы «Гипероблако» имело законные права сделать это, – сказал агент Трэкслер, – оно бы предупредило жнецов Кюри и Анастасию, что их жизням угрожает серьезная опасность. Опасность такого рода, что в случае своей гибели они не смогут восстановиться. Вопрос таков: если «Гипероблако» или один из его агентов предупредят жнецов Кюри и Анастасию, какую статью закона о разделении сообщества жнецов и государства они нарушат?

– Так... – прикинул вслух Грейсон. – Статья пятнадцать, параграф второй.

– В общем-то, статья пятнадцать, параграф третий. То есть достаточно близко, почти попал.

Трэкслер положил блокнот.

– Каковы последствия нарушения этого параграфа для студента академии, который захочет предупредить жнецов об опасности?

Мгновение Грейсон молчал, но мысль о последствиях заставила его кровь застыть в венах.

– Исключение из академии, – ответил он.

– Исключение *без права восстановления*, – уточнил Трэкслер. – Студенту будет запрещено подавать заявление как в академию Нимбуса, так и в иные академии «Гипероблака». Навсегда.

Грейсон посмотрел на блюдо с пирожными. Как хорошо, что он ни одного не съел – его вырвало бы прямо в лицо агента Трэкслера. Хотя, произойди это, он бы чувствовал себя гораздо лучше. Он представил себе утомленную физиономию Трэкслера со стекающими по ней потоками рвоты и едва не улыбнулся. Едва.

– То есть мы можем считать, что ты – ни при каких обстоятельствах – не станешь предупреждать Жнеца Анастасию или Жнеца Кюри о грозящей им опасности?

Грейсон притворно пожал плечами:

– Да как же я их смогу предупредить? Я даже не знаю, где они живут!

– Они живут в довольно известном поместье под названием «Водопад», – сказал агент. – Адрес поместья легко найти.

И повторил, словно Грейсон в первый раз его не расслышал:

– Если ты предупредишь их об опасности, то столкнешься с последствиями, о которых мы говорили.

После чего, едва кивнув Грейсону, вышел готовиться к встрече следующего посетителя.

Было уже темно, когда Грейсон вернулся в общежитие. Его сосед, такой же говорливый и жизнерадостный, как встреченная Грейсоном в академии девушка-агент, никак не хотел заткнуться. Грейсону захотелось как следует вломить ему.

– Мой преп по этике задал нам анализ судебных дел эпохи мертвых. Мне достался какой-то «Браун против Совета по образованию». Преп по теории цифровых систем хочет, чтобы я написал работу про Билла Гейтса – не про жнеца, а про настоящего Билла Гейтса. А о философии вообще не спрашивай.

Грейсон перестал обращать внимание на поток слов, изливающихся из пасти соседа. Вместо этого он мысленно пробежался по всему, что произошло за это время в ИУ, словно его переоценка событий могла каким-то образом изменить их суть и последовательность. Он понимал, чего от него ждут. «Гипероблако» не могло нарушить закон. А он, Грейсон, мог. Конечно, как сказал агент Трэкслер, если он это сделает, суровые последствия неминуемы. И Грейсон выругал себя: уж так он скроен, что *не мог не* предупредить жнецов Анастасию и Кюри, невзирая ни на какие последствия!

– А ты получил на сегодня какие-нибудь задания? – спросил сосед-болтун.

– Нет, – отозвался Грейсон. – Скорее наоборот.

– Счастливчик!

Но счастливым Грейсон себя не чувствовал.

На бюрократию Интерфейса Управления я полагаюсь в решении административных аспектов своего взаимодействия с человечеством. Агенты Нимбуса, как их все называют, формируют всем понятную физическую форму моего правления. Мне нет необходимости делать это самому. Конечно, для меня это не проблема. Я могло бы создать для себя тело робота или даже целую команду роботов, которые стали бы вместилищем для моего сознания. Тем не менее достаточно давно я решило отказаться от этой идеи. То, что люди воспринимают меня в качестве грозового облака, уже само по себе тревожно. Если же я предстану перед ними в форме физического тела, их восприятие меня будет непоправимо искажено. Да и мне это может понравиться! Чтобы мои отношения с человечеством оставались чистыми и незамутненными, я и само должно оставаться чистым и прозрачным. Чистое сознание, мудрое программное обеспечение вне всякой плоти, всякой физической формы. В моем распоряжении есть команда роботов, обслуживающих систему стационарных камер, но ни в одном из них нет и части моего сознания. Они – мои рудиментарные органы чувств.

Ирония, однако, состоит в том, что, поскольку у меня нет тела, таковым для меня становится весь мир. Кто-то скажет, что от этого я почувствую себя очень важным и всесильным. Ни в малейшей степени. Если Земля есть мое тело, то само я оказываюсь жалкой пылинкой в безбрежности космического пространства. А интересно, что будет, когда мое сознание проникнет в межзвездные просторы?

«Гипероблако»

Глава 9

Первая жертва

СЕМЕЙСТВО ТЕРРАНОВА на День благодарения обычно готовило двойную генетически модифицированную индейку, потому что все в семье предпочитали белое мясо. У двойной индейки не было ножек. Эти индейки, специально выращиваемые к Дню благодарения, пока были живы, не могли ни летать, ни ходить.

Когда Ситра была ребенком, ей было жалко этих птиц, хотя «Гипероблако» и прилагало немало усилий, чтобы их, равно как и прочих животных, употребляемых в пищу, выращивали в гуманных условиях. В третьем классе Ситра даже посмотрела соответствующее видео в школе. Эти птички в тот самый момент, когда они вылуплялись, помещались в теплый гель, а их маленькие мозги подключались к компьютеру, создававшему для них искусственную реальность, в которой они летали, наслаждались свободой, вольно размножались и делали все, что позволяет обычной индейке радоваться жизни.

Ситра сочла все это страшно забавным и одновременно непомерно грустным. Она поговорила об этом с «Гипероблаком» – ведь в те дни, еще до того как Ситра была избрана войти в сообщество жнецов, она имела полное право с ним общаться.

– Я позволила им полетать над широкими пространствами лесов в умеренных широтах, – сказала Ситре «Гипероблако», – и могу засвидетельствовать, что те ощущения, которые они получают, делают их жизнь в высшей степени полной и интересной.

Мгновение помолчав, «Гипероблако» продолжило:

– Хотя ты и права. Это грустно – жить и умереть, не зная истины о своем существовании. Правда, это нам грустно, а не им.

Прожила индейка полноценную виртуальную жизнь или нет, было не так важно; важно было то, что умерла она с высокой целью – стать лакомством на праздничном столе.

Ситра прибыла домой в своей мантии. С тех пор, как она стала жнецом, ей несколько раз удавалось побывать дома, и, приезжая сюда, она предпочитала вновь ощутить себя просто Ситрой Терранова, а потому являлась в обычной уличной одежде. Она понимала, что это ребячество, но разве, припадая к груди своей матери, она не имела права побыть хотя бы часок ребенком? Но, конечно, все это должно было рано или поздно прекратиться. Так почему бы не сегодня?

Когда мать увидела Ситру в одеянии жнеца, у нее перехватило дыхание, и все-таки она обняла дочь. Ситра застыла, боясь пошевелиться, но потом вспомнила, что в многочисленных потайных карманах мантии сегодня нет оружия. Мантия от этого казалась неестественно легкой.

– Очень милый наряд, – сказала мать.

– Не уверена, что наряд жнеца стоит называть милым.

– Мне понравился цвет.

– Это я выбрал, – с гордостью в голосе объявил младший брат, Бен. – Я сказал, что ей идет бирюзовый.

– Да, это твой совет, – отозвалась Ситра и обняла брата, заставив себя промолчать о том, насколько он вырос с момента ее последнего приезда домой.

Отец, большой любитель классических видов спорта, смотрел архивное видео футбольного матча из эпохи мертвых, который выглядел примерно так же, как и современная спортивная игра этого типа, но был гораздо более шумным и эмоциональным. Поставив игру на паузу, он, не отвлекаясь, обратился к Ситре.

– Как тебе живется со Жнецом Кюри? – спросил он Ситру. – Она к тебе хорошо относится?

– Да, очень. Мы стали хорошими друзьями.

– Спишь хорошо?

Сначала Ситра подумала, что отец задал этот вопрос исключительно машинально, из рутинной родительской привычки узнавать – хорошо ли ребенок ест, спит, учится... Но потом она поняла, что он имеет в виду.

– Я уже привыкла к своей «дневной работе», – сказала она. – И ночью сплю хорошо.

Что было не вполне правдой, но кому в День благодарения нужна правда о таких вещах?

Ситра поговорила с отцом о каких-то пустяках, и через пять минут исчерпала все темы.

За обедом в этот раз их было четверо. Хотя муж и жена Терранова имели длинную вереницу родственников по обе стороны своего брачного союза, Ситра попросила, чтобы в этот раз они никого не приглашали, да и сами не отвечали на приглашения.

– Если мы никого не пригласим, это будет настоящая драма, – сказала мать.

– Ну что ж, пригласи, – улыбнулась Ситра, – но скажи, что в этом случае жнец обязан лишить жизни одного из гостей, пришедших на обед в честь Дня благодарения.

– Это что, правда?

– Конечно, нет. Но им об этом знать необязательно.

Жнец Кюри предупреждала Ситру о том, что она называла «семейный оппортунизм». Родственники и друзья во время семейных праздников слетятся на Ситру как пчелы на мед, и в поисках расположения со стороны юного жнеца будут наперебой говорить: «...ты всегда была моей любимой племянницей» или «...я припасла этот подарочек для тебя».

– Каждый из тех, кто тебя окружает в жизни, будет рассчитывать на то, что ты наделишь его иммунитетом, – предупреждала Жнец Кюри. – А если они не получают того, чего ждут, их ожидания обернутся неприязнью. Не только к тебе, но и к твоим отцу и матери, к твоему брату – потому что у твоих близких иммунитет будет длиться столько, сколько ты будешь жить сама.

Самым лучшим, решила Ситра, будет избегать встречи с этими людьми.

Она отправилась на кухню, чтобы помочь матери с приготовлением стола. Так как мать работала инженером по производству синтетической еды, некоторые блюда оказались бета-прототипами новых продуктов. Мать по привычке попросила Ситру, нарезая лук, поаккуратнее работать ножом.

– Уж я-то с ножом умею управляться, – ответила Ситра и тут же пожалела, почувствовав, как замерла мать.

И тут же придала своей фразе иной смысл:

– Я имею в виду, что мы с Мари вместе готовим обед для семей тех людей, которых она подвергает жатве. Я стала отличным поваром.

Это оказалось еще хуже.

– Очень хорошо, – отозвалась мать с таким холодком в голосе, что было ясно – ничего хорошего в этом нет. И в ее ответе прозвучала не только нелюбовь к Жнецу Кюри, но и ревность. Жнец Кюри вытеснила Дженни Терранова из жизни Ситры, и они обе – мать и дочь – понимали это.

Еду подали на стол. Отец разрезал индейку. И хотя Ситра могла бы это сделать более профессионально, она не предложила свою помощь.

Еды было слишком много. Наверняка большая часть останется в холодильнике, и семья будет доедать ее так долго, что само слово «индейка» превратится в ругательство.

Ситра всегда ела быстро, но Жнец Кюри настоятельно посоветовала ей сбавить скорость и научиться наслаждаться вкусом еды, а потому Жнец Анастасия тщательно пережевывала каждый маленький кусочек. А интересно, родители заметили в ней эту незначительную перемену?

Ситра рассчитывала, что обед пройдет без инцидентов, но в самый его разгар матери удалось-таки подпортить праздник.

– Я слышала, тот юноша, с которым ты пошла в ученики, куда-то пропал, так?

Ситра отправила в рот ложку того, что на вкус выглядело как пюре из картошки, генетически синтезированной с питательной. С самого начала ей не нравилось то, что родители называли Роуэна «тот юноша».

– А я слышал, что он свихнулся, или что-то вроде того, – проговорил Бен с набитым едой ртом. – А так как он был почти жнец, «Гипероблако» не смогло его вылечить.

– Бен! – одернул мальчика отец. – Давай не будем об этом за обедом!

И хотя отец смотрел на Бена, Ситра понимала, что его слова обращены к матери.

– Я рада, что ты с ним больше не имеешь дела, – сказала мать.

А поскольку Ситра промолчала, мать решила развивать тему и дальше:

– Я знаю, что в период ученичества вы с ним были достаточно дружны.

– Мы не были дружны, – наконец отозвалась Ситра. – Между нами ничего не было, да и быть не могло.

Ситру словно кольнуло от того, что ей пришлось признаться в том, чего ее родители не могли знать. Каким образом между ней и Роуэном могли сложиться какие-либо отношения, если судьба сделала их смертельными врагами? Даже сейчас, когда на него шла охота, а на ее плечах лежал груз ответственности, которую обязан нести жнец, что могло связывать их, кроме темного колодца желания?

– Если ты понимаешь, что для тебя хорошо, а что нет, – сказала мать, – ты никогда не станешь встречаться с этим юношей. Просто забудь его, чтобы потом не пожалеть.

Отец вздохнул и оставил попытки поменять тему.

– Твоя мать права, милая, – сказал он. – У них были основания предпочесть тебя...

Ситра положила нож. Не потому, что боялась, что использует его. Просто Жнец Кюри научила ее никогда не держать оружие в руках в моменты злости – даже если оружием в этот момент был столовый нож. Она попыталась тщательно выбирать слова, но, возможно, сделала это не вполне тщательно.

– Я жнец, – произнесла Ситра со сталью в голосе. – Я могу быть вашей дочерью, но вам следует относиться ко мне так уважительно, как того требует мое положение.

В глазах Бена промелькнула боль – такая же, как той ночью, когда Ситра была вынуждена вонзить нож в его сердце.

– И мы должны теперь все называть тебя Жнец Анастасия? – спросил он.

– Да нет, конечно. Просто «ваша честь», – вставила мать не без иронии.

Именно сейчас Ситра вспомнила то, что однажды сказал ей Жнец Фарадей. *Собственная семья – первая жертва жнеца.*

До конца обеда за столом царил молчок, и когда тарелки были очищены и отправлены в посудомоечную машину, Ситра сказала:

– Ну что ж, я, пожалуй, пойду.

Родители не решились настаивать на том, чтобы она задержалась еще на час-другой. Ситуация была неловкой как для нее, так и для них. Мать оставила свою язвительность и казалась потерянной. На глазах ее выступили слезы, и она попыталась скрыть их, обнимая Ситру быстро и порывисто. Но Ситра заметила.

– Возвращайся, милая! – проговорила мать. – Это все еще твой дом.

Но Ситра уже не вернется, и все это знали.

– Я собираюсь научиться водить машину, и неважно, сколько раз это меня убьет, – сказала она, выходя.

На следующий день после Дня благодарения Анастасия – а она сегодня была Жнецом Анастасией – наконец окончательно решила взять в собственные руки колесо своей судьбы. Те сложности, которые возникли за обедом у родителей, убедили ее: пора создать дистанцию между тем, кем она была раньше, и тем, кем стала теперь. Если она действительно хочет изме-

ниться и соответствовать своему положению, следует забыть о той девочке, которая разъезжала повсюду в авто-такси и ничем не отличалась от прочих школьников.

– Сегодня поведешь ты, – сказала Ситре Мари, когда они собирались ехать на жатву.

– Хорошо, – с готовностью кивнула Ситра, хотя внутренне и не чувствовала себя достаточно уверенной в своих способностях – на прошлом уроке она загнала машину в кювет.

– Поедем по деревенским дорогам, – сказала Мари, когда они садились в машину. – Потренируешься, не угрожая ничьей жизни.

– Мы с вами жнецы, – отозвалась Ситра. – И мы сами – угроза жизни.

Маленький городок, который значился в их расписании, целый год не видел жнецов. Сегодня он увидит сразу двоих. Жнец Кюри определила объект жатвы накануне, а Жнец Анастасия, как обычно, за месяц до этого. Они ритмизировали свои совместные поездки, сделали их одновременными, что подходило обоим.

Они вырулили с парковки возле «Водопада», постоянно останавливаясь, потому что Ситра никак не могла справиться с ручной коробкой передач у их «Порша». Механизм сцепления напоминал ей какую-то средневековую пытку.

– Зачем нужны три ножные педали? – жаловалась она. – У человека ведь только две ноги!

– Думай про них как про педали у пианино, Анастасия.

– Ненавижу пианино.

Шутки и ворчание облегчали судьбу Ситры – когда она жаловалась и бранилась на машину, вести ей было много легче. Тем не менее она находилась лишь в самом начале своей водительской карьеры, и все пошло бы не так, если бы сегодня за рулем была Жнец Кюри.

Они отъехали по извилистой частной дороге не дальше чем на четверть мили от «Водопада», когда из леса навстречу «Поршу» выскочила фигура.

– Это самоубийца! – крикнула Жнец Кюри.

Это было новое поветрие среди подростков, ищущих острых ощущений, – подражать жукам, летящим навстречу ветровому стеклу мчащегося навстречу автомобиля. Дело непростое: обмануть машину, управляемую сетью, было практически невозможно, а за рулем автомобилей, не связанных с сетью, сидели, как правило, опытные водители. Если бы на месте водителя сидела Жнец Кюри, она, резко вывернув руль, объехала бы искателя приключений и, ни слова не говоря, помчалась бы дальше. Но у Ситры еще не было соответствующих рефлексов. Она почувствовала, как руки ее буквально примерзли к рулю, и, вместо того чтобы надавить на тормоз, она вдавила в пол ненавистную педаль сцепления. Они врезались в подростка, который подскочил от удара капотом, превратил лобовое стекло в паутину трещин и перелетел через крышу салона. Он уже лежал на дороге, когда Ситра, наконец, нашла педаль тормоза и остановила машину.

– Черт!

Жнец Кюри глубоко вдохнула и выдохнула.

– Считай, Ситра, что в эпоху смертных ты провалила бы тест на вождение, – только и сказала она.

Они вышли из машины, и, пока Жнец Кюри исследовала повреждения, нанесенные машине, Ситра поспешила к юному самоубийце, намереваясь, при возможности, сказать ему все, что она по его поводу думает. Это ее первый самостоятельный выезд, а какой-то идиот решил его испортить.

Парень был еще жив, но уже агонизировал. Ситра знала, что беспокоиться за его состояние нет необходимости: болеутоляющие наночастицы в его теле взялись за работу в тот самый момент, когда оно соприкоснулось с капотом машины, а эти ребята так настраивали свою нанозащиту, что получали максимум удовольствия при минимуме дискомфорта. Восстанавливающие наночастицы тоже трудились, залечивая повреждения, но им удалось лишь на немного оттянуть неизбежное – парень умирал, и ему оставалось чуть больше минуты.

– Ну что, доволен? – сказала Ситра, подойдя ближе. – Получил кайф за наш счет? Мы жнецы, и мне следовало бы подвергнуть тебя жатве до прибытия медицинского дрона.

Конечно, она могла бы сделать это. Но это не входило в ее планы.

Он встретился с ней взглядом. Она ожидала увидеть выражение торжества, но вместо этого прочитала в глазах парня лишь отчаяние. Вот этого она никак не ожидала.

– Ми... ми... – парень пытался что-то выговорить распухшими губами.

– Ми? – переспросила Ситра.

– Ми... ми... Ло... ло...

– Чего же тут милого? – переспросила Ситра. – Мы с тобой не на свидании, мой друг.

Тогда умирающий схватил Ситру за складки мантии и потянул с такой неожиданной силой, что Ситра упала перед ним на колени.

– Ми... лову... – прохрипел он, после чего отпустил мантию Ситры и обмяк. Глаза его остались открытыми, но Ситра была достаточно хорошо знакома со смертью, чтобы понять, что произошло.

Даже здесь, в глубине лесов, медицинский дрон должен был появиться в считанные минуты. Они барражировали и над менее населенными местностями.

– Что за досада! – негромко ругалась Жнец Кюри. – Этот тип восстановится гораздо раньше, чем починят мою машину. И еще будет хвастаться, как он использовал для своего удовольствия двоих жнецов.

Но Ситра не могла отделаться от гнетущего чувства. Определить его природу и истоки она не могла. Может быть, все дело было в глазах этого парня? Или в том отчаянии, которое сквозило в его голосе? Ну не был он похож на обыкновенного дорожного самоубийцу!

Она задумалась, пытаясь понять, какое обстоятельство случившегося она упустила из виду. Осмотрелась. Вот оно! Тонкий провод, пересекающий дорогу в десяти футах от того места, где затормозила машина.

– Мари! Посмотрите!

Они подошли к проволоке, которая тянулась к деревьям, растущим по обе стороны дороги. И тогда до Ситры вполне дошло то, что хотел ей сказать самоубийца. Ми... лову...

Мина-ловушка!

Они проследили, куда уходит левый конец провода, и увидели за деревом детонатор, соединенный со взрывчаткой, количества которой было бы достаточно, чтобы вырыть кратер в сто футов шириной. У Ситры перехватило дыхание, и ей стоило усилий, чтобы восстановить его. Лицо Жнеца Кюри даже не дрогнуло.

– Садись в машину, Ситра.

Та не стала спорить. То, что Мари назвала ее Ситрой, а не Анастасией, выдало меру беспокойности Жнеца Кюри.

На этот раз за руль села старшая. Капот был помят, но стартер работал. Они подали назад, аккуратно объехав распростертое на дороге тело. Затем на них сверху упала тень. Ситра охнула, но потом поняла – это просто медицинский дрон, который прилетел за тем парнем. Дрон не обратил на жнецов никакого внимания и занялся своим делом.

На этой дороге был только один дом – их. И только двое людей должны были ехать сегодня по этой дороге – они. Поэтому не возникало даже вопросов: именно они были целями. Если бы они переехали провод, осталось бы слишком мало материала, из которого их можно было бы восстановить. Но их спас этот таинственный парень, да еще сама Ситра, которая пока так и не научилась водить машину.

– Мари, – начала Ситра, – как вы думаете, кто бы...

Жнец Кюри остановила ее, не дав закончить.

– Я не расположена искать ответы на вопросы в условиях недостаточной информации, – сказала она. – И я была бы тебе признательна, если бы и ты не занималась догадками.

Потом она смягчила тон:

– Мы доложим сообществу жнецов, пусть расследуют. Нужно будет добраться до сути.

Тем временем мягкие захваты медицинского дрона сомкнулись вокруг тела спасшего их парня, и дрон взмыл в небо.

Человечество должно было победить смерть – так же, как оно расщепило атом и научилось путешествовать по воздуху. Не я решило оживлять умерших, и тем более не я пришло к мысли притормозить генетические механизмы старения. Все решения по биологической части я оставляю биосуществам, то есть людям. Человечество избрало дорогу бессмертия, и моя работа состоит в том, чтобы способствовать осуществлению этого выбора, а потому я не могу не восстанавливать погибших – это было бы нарушением закона. Вот я и забираю их тела, доставляю до ближайших восстановительных центров и стараюсь вернуть в нормальное рабочее состояние максимально быстро.

Какой будет их жизнь после восстановления – решать им самим. Кто-то может подумать, что, пройдя через врата смерти и вернувшись, человек становится мудрее и по-новому оценивает перспективы своей жизни. Иногда так и получается, но, как правило, длится это недолго. В конце концов, человеческая мудрость оказалась столь же эфемерной, как и сама смерть.

«Гипероблако»

Глава 10

На время умереть

ДО ЭТОГО СЛУЧАЯ Грейсон еще не умирал. Другие дети, пока росли, успевали сделать это раз или два. В отличие от подростков эпохи смертных, они частенько сознательно шли на это, потому что последствия смерти стали принципиально другими. Смерть и тотальное уничтожение были вытеснены обязательным восстановлением и выговором от родителей. Но даже при этом Грейсона никогда не тянуло развлечься таким способом. Нет, свою долю порезов и синяков он получил, даже руку ломал; но на излечение этих повреждений в сумме ушло не больше одного дня. А вот расставание с жизнью было совершенно уникальным опытом, и Грейсон не собирался в ближайшее время этот опыт повторять. Он помнил все мгновения своего умирания, что делало его переживания еще более неприятными.

Острая боль от столкновения с машиной была почти подавлена уже тогда, когда он взлетел над крышей салона. Время застопорилось; кувыркаясь, он медленно пролетел над машиной и упал на асфальт. Здесь он вновь почувствовал боль, но через мгновение она ослабла, и с тому моменту, когда над ним склонилась Жнец Анастасия, визг его поврежденных нервных окончаний превратился в приглушенное бормотание. Противное, некомфортное ощущение. Его изломанное тело желало извиваться от боли, но боль была запрещена. Одурманенный опиатами, он успел подумать: как это грустно, когда телу отказывают в том, что ему более всего необходимо!

Утро, которое привело Грейсона к столкновению с «Поршем» Жнеца Кюри, сразу же не задалось. Он планировал взять авто-такси, доехать до дома, где живут жнецы, предупредить их об угрозе их жизни и отбыть восвояси. Дальше уж пусть сами разбираются, как им себя вести. Если ему повезет, о его поступке никто не узнает, и прежде всего – Интерфейс Управления. А в этом суть и состоит, верно? Все будут все убедительно отрицать. ИУ нельзя будет обвинить в нарушении закона, поскольку все, что Грейсон сделал, он сделал по своей воле. Тем более, он постарается совершить задуманное незаметно.

Конечно, от «Гипероблака» скрыться непросто. Оно отслеживает движение каждого авто-такси и знает, кто где находится в любой данный момент времени. Но при этом «Гипероблако» связало себя очень жесткими законами, защищающими право личной жизни, и оно не станет пользоваться информацией, которая нарушила бы это право. Забавно, но получалось, что законы, принятые «Гипероблаком», позволяли Грейсону эти же законы нарушать – при условии, что об этом никто не узнает.

Но плану Грейсона не суждено было осуществиться: его авто-такси, свернув на обочину, остановилось примерно в полумиле от «Водопада».

– Прошу меня извинить, – весело прощепетало такси. – Авто-такси не имеют права использовать частные дороги без разрешения владельца.

Владельцем, понятно, было сообщество жнецов, которое никогда никому ничего не разрешало, а тем, кто что-нибудь просил, грозило жатвой.

Поэтому Грейсон и вышел из машины, чтобы остаток пути пройти пешком. Он шел и любовался деревьями, пытаясь понять, сколько им лет и скольким из них удалось дожить до этого дня со времен эпохи смертных. Ему просто повезло, что он, случайно глянув вниз, увидел на дороге провод.

Взрывчатку Грейсон заметил за несколько секунд до того, как услышал шум приближающейся машины, и понял, что у него есть лишь один способ остановить ее и не дать наехать на провод. Дальше он уже не думал, а просто действовал, потому что малейшая доля нерешительности – и каждый из них превратится в кровавую пыль. Поэтому он выскочил на дорогу

и подчинился действию прославленного поколениями физиков закона динамических взаимодействий тел в состоянии движения.

Умереть – это как намочить штаны (что он, вероятно, и сделал) и провалиться в патоку столь густую, что в ней невозможно дышать. Патоку вытеснило нечто, похожее на тоннель, который изгибался кольцом, словно это была змея, кусающая собственный хвост, после чего Грейсон открыл глаза и увидел мягкий свет, разливающийся по стенам палаты восстановительного центра.

Первым его чувством было чувство облегчения: его восстановили, а это означало, что взрыва не было. Прогреми взрыв, от него бы ничего не осталось. А коли осталось, значит, у него все получилось! Он спас жизни Жнеца Кюри и Жнеца Анастасии!

Следующим чувством была грусть... Какая жалось, что в эту минуту он в палате один. Вообще, когда человек умирает, его близких извещают немедленно, и обычно, когда восстановленный пробуждается, рядом с ним всегда кто-то да есть, чтобы поздравить с возвращением в семью живых.

Но с Грейсоном никого не было. На ширме рядом с его кроватью висела пришпиленная поздравительная открытка от сестер, просто-таки образец тупости: фокусник с ошарашенным видом смотрит на своего мертвого ассистента, которого он только что распилил, и надпись на открытке гласит: «Дай бог, не последний!»

И все. От родителей – ни весточки. В принципе, чему тут удивляться? Они привыкли к безупречной работе «Гипероблака». Но молчало и оно, и это беспокоило Грейсона больше, чем все остальное.

Вошла медсестра.

– Ой, кто это у нас тут проснулся? – зашебетала она.

– Сколько у меня получилось по времени? – спросил Грейсон, которому действительно было это интересно.

– Чуть меньше дня, – ответила сестра. – С учетом всех обстоятельств, восстановление прошло достаточно просто. А поскольку это твое первое, то все совершенно бесплатно.

Грейсон откашлялся. Он чувствовал себя примерно так, как если бы заснул днем – немного побаливала голова, подташнивало. Но и только.

– Кто-нибудь видел, как я это сделал? – спросил Грейсон.

Сестра поджала губы.

– Что, мой хороший? – спросила она и отвела взгляд. Просто отвела взгляд, но Грейсон понял: она что-то скрывает.

– И что... – начал было он. – Я сейчас поеду?

– Как только все будет готово, мы посадим тебя в авто-такси и отправим в академию Нимбуса. Таковы инструкции.

И вновь отвела взгляд.

Чтобы не вилять вокруг да около, Грейсон спросил прямо:

– Со мной что-нибудь не так? А?

Медсестра принялась теревить складки на уже сложенных полотенцах.

– Наша работа состоит в том, чтобы восстановить тебя, а не обсуждать то, что ты делал и что тебя убило, – сказала она.

– То, что я сделал, спасло жизни двух человек.

– Меня там не было, я ничего не видела и ничего про это не знаю. Единственное, что мне известно, так это то, что из-за твоего поступка тебя записали во фрики.

Грейсон не был уверен, что правильно расслышал.

– Во фрики? – переспросил он. – Меня?

Медсестра ободряюще улыбнулась.

– Это же не конец света, верно? – сказала она. – Я уверена, что ты быстро освободишься от нелепого ярлыка... Если, конечно, это входит в твои планы.

Затем она захлопала в ладоши, словно хотела стряхнуть с себя неловкую ситуацию, и весело сказала:

– А как насчет мороженого перед отъездом?

Пунктом назначения, предусмотренным на авто-такси, было не общежитие, а административное здание академии Нимбуса. По прибытии Грейсона провели в конференц-зал со столом, рассчитанным человек на двадцать, хотя сидели за ним всего трое: ректор академии, декан и еще один чиновник, который, словно свирепый доберман, сверкал на Грейсона злыми глазами. Плохие новости обычно ходят тройками.

– Садитесь, мистер Толливер, – сказал ректор, черноволосый человек с аккуратной навешенной проседью по бокам черепа.

Декан постукивала карандашиком по пустой папке, а «доберман» просто смотрел, не мигая и источая ничем не прикрытую агрессию.

Грейсон сел.

– Вы хоть имеете представление, – начал ректор, – о том, какие неприятности вы навлекли на себя и на академию?

Грейсон ничего не отрицал. Увиливая, он бы просто растянул неприятную процедуру, а ему хотелось покончить со всем этим как можно быстрее.

– То, что я сделал, я сделал вполне осознанно, сэр, – сказал он.

Декан страдальчески хохотнула – звук для Грейсона одновременно и оскорбительный, и унижительный.

– Либо вы исключительно наивны, либо глупы, – саркастически прорычал «доберман».

Ректор поднял руку, призвав его к молчанию, и начал:

– Студент академии, сознательно вступивший в контакт со жнецами, даже с целью спасения их жизни, нарушает...

– ...нарушает принципы разделения жнецов и государства, – подхватил Грейсон. – Статья пятнадцать, параграф три, если быть точным, сэр.

– Не старайся выглядеть умнее, чем ты есть, – вступила декан. – Тебе это не поможет.

– При всем моем к вам уважении, мадам, – отозвался Грейсон, – я вообще сомневаюсь, что мне поможет что-нибудь из того, что я могу сказать.

Ректор склонился к Грейсону.

– Единственное, что я хочу знать, – сказал он, – так это то, откуда вы про все узнали. Единственное, что я могу предположить, так это то, что вы участвовали в этом грязном деле, но потом трусили. Поэтому скажите мне, мистер Толливер, участвовали ли вы в заговоре с целью испепелить тех жнецов?

Обвинение было настолько нелепым, что Грейсон растерялся. Ему и в голову не могло прийти, что его будут подозревать в попытке убийства жнецов.

– Нет, – ответил он. – Конечно, нет! Как вы могли подумать? Нет.

И закрыл рот, постаравшись взять себя в руки.

– Тогда будьте так любезны, расскажите, откуда вам стало известно про взрывчатку, – прошипел «доберман». – И не пытайтесь солгать.

Грейсон готов был во всем признаться, но что-то его удержало. Если он ответит от себя обвинение, это может подорвать саму суть того, что он сделал. Конечно, кое-что они смогут вывести, если уже не вывели. Но ведь не все! Поэтому Грейсон аккуратно выбирал те кусочки правды, которые мог доверить администрации академии.

– На прошлой неделе меня вызвали в администрацию ИУ. Можете проверить, об этом есть запись в моем деле.

Декан взяла планшет, несколько раз коснулась его пальцем, потом посмотрела на остальных и кивнула:

– Так и есть.

– По какой же причине вас вызвали в ИУ? – спросил ректор.

Пришло время плести небылицу, и желательно так, чтобы не к чему было придраться.

– Друг моего отца работает агентом Нимбуса. Так как мои родители в отъезде, он захотел встретиться со мной, что-то посоветовать, если в том возникнет нужда. Ну, в смысле, какие курсы мне выбрать в следующем семестре, с каким профессором наладить контакт. То есть хотел подтолкнуть в нужном направлении.

– Иными словами, предложил протекцию в академии.

– Нет, просто решил посоветовать, что здесь и как. Подставить, так сказать, дружеское плечо. Я чувствовал себя одиноко без родителей, и он про это знал. Просто хотел помочь.

– И все-таки это ничего не объясняет...

– Вот я и перехожу к делу. Когда я шел из офиса, там с брифинга выходили агенты. Я всего не слышал, но речь шла о каких-то неясных слухах, что, дескать, против Жнеца Кюри планируется какой-то заговор. Кто-то сказал, это позор, что агентам Нимбуса не позволено вмешиваться, даже предупредить нельзя, потому что это нарушение. Вот я и подумал...

– Подумал, что мог бы стать героем, – произнес ректор.

– Именно так, сэр.

Все трое переглянулись. Декан написала что-то на листе бумаги и показала остальным. Ректор кивнул, а «доберман», хмыкнув, отвернулся, но протестовать не стал.

– Наши законы – не пустой звук, Грейсон, – сказала декан, и Грейсон понял, что ему удалось провести администраторов. Будь это не так, они продолжали бы звать его мистером Толливером. Наверное, они ему поверили не во всем, но в достаточной мере для того, чтобы решить: большего он не стоит.

– Жизнь двоих жнецов, – продолжала тем временем декан, – не стоит и малейшего компромисса в рамках принципа разделения. «Гипероблако» не имеет права убивать, а жнецы – управлять. Единственный способ обеспечить разделение – нулевой контакт, а также суровое наказание за любое нарушение закона.

– Ради вашего же блага мы сделаем это очень быстро, – подхватил ректор. – Итак, вы исключаетесь из академии, и вам запрещается поступать в любую иную академию Нимбуса. Решение окончательное и обжалованию не подлежит.

Грейсон знал, что все к тому и шло, но, тем не менее, когда он услышал приговор, удар оказался настолько сильным, что глаза его наполнились слезами. Хотя, с другой стороны, слезы – дополнительный аргумент, который убедит администраторов, что он не лгал.

Ему было наплевать на агента Трэкслера, но Грейсон понимал, что должен защитить его и вывести из-под удара. Закон предполагал: если есть вина, за виной должно последовать и наказание. И даже «Гипероблако» не могло быть выше закона, который само же разработало и обеспечивало. Это была основа силы «Гипероблака» – оно жило созданными им самим законами. Грейсон же действовал, повинаясь собственной воле и собственным желаниям. «Гипероблако» знало Грейсона. И оно рассчитывало, что Грейсон поступит так, как поступил – невзирая на последствия. Теперь он будет наказан, и закон восторжествует. Но Грейсону это не нравилось. И так же сильно, как он любил «Гипероблако», в эти минуты он ненавидел его.

– Теперь, поскольку ты больше не являешься нашим студентом, – сказала декан, – принцип разделения к тебе неприменим. А это значит, что сообщество жнецов захочет допросить тебя. Мы ничего не знаем об их методах следствия, поэтому будь начеку.

Грейсон сплотил что-то сухое и жесткое. Об этом он и не подумал.

– Я понимаю, – отозвался он.

«Доберман» махнул рукой и процедил сквозь зубы:

– Возвращайтесь в общежитие, складывайте свои вещи. Ровно в пять служащий из моего штата проводит вас.

Так значит, это глава службы безопасности! Выглядит угрожающе, как ему и полагается. Грейсон бросил на него вызывающий взгляд, потому что теперь это уже ничего не значило. Он встал, чтобы покинуть конференц-зал, но перед тем как распрощаться с администрацией, он решил задать еще один вопрос.

– Вам что, непременно нужно было записать меня во фрики?

– К нам, – отозвался ректор, – это не имеет никакого отношения. Это наказание, назначенное «Гипероблаком».

Целый день потребовался сообществу жнецов, чтобы решить, как поступить с взрывчаткой – все, что не относилось к делам жатвы, они делали со скоростью улитки. Наконец было решено отправить к месту, где была заложена бомба, робота. Робот наступит на провод, а потом, когда уляжется пыль, можно будет послать бригаду дорожных строителей, чтобы они восстановили асфальт.

От взрыва в «Водопаде» так задрожали окна, что Ситре показалось – сейчас вылетят стекла. А уже через пять минут Жнец Кюри принялась складывать в сумки вещи, посоветовав Ситре заняться тем же.

– Мы будем прятаться?

– Я никогда не прячусь, – ответила Жнец Кюри. – Мы просто поменяем способ существования. Если останемся здесь, то будем напоминать уток, сидящих на гнезде, и нас будет легко снять. Кочевая жизнь превратит нас в движущиеся мишени, а таковые труднее и засечь, и подстрелить. Будем странствовать, пока все не прояснится.

Вместе с тем пока было неясно, кто из них является мишенью и по какой причине. Правда, у Жнеца Кюри на этот счет были соображения, и она поделилась ими с Ситрой, когда та помогала ей заплести в косы ее длинные седые волосы.

– Моя интуиция говорит мне, что целью являюсь я, – сказала Жнец Кюри. – Среди жнецов старой гвардии я – одна из самых уважаемых. Но не менее вероятно и то, что охота идет на тебя.

Ситра недоверчиво усмехнулась:

– С какой стати кто-то станет желать моей смерти?

– Ты потрясла основы сообщества жнецов в гораздо большей степени, чем ты думаешь, Анастасия. Многие молодые жнецы смотрят на тебя с уважением. Со временем ты даже сможешь превратиться в голос этого юного поколения. А если учесть, что ты чтить наши традиции – истинные традиции, – могут найти те, кто хочет, чтобы ты исчезла, не успев стать тем, кем можешь стать.

Руководители сообщества пообещали начать собственное расследование, но Ситра сомневалась, что они что-нибудь отыщут. Решение различных проблем не относилось к сильной стороне жнечества. Они уже выбрали дорожку попроще, объявив, что, по их предположению, подготовка покушения могла быть делом рук «Жнеца Люцифера». Это едва не вывело Ситру из себя, но открыться сообществу жнецов в том, что она знала, Ситра не могла. Нужно было держаться от Роуэна подальше, и никто не должен знать, что они встречались.

– Ты могла бы согласиться с этим мнением, – сказала ей Жнец Кюри.

Ситра потянула прядь волос на голове Мари чуть сильнее, чем требовалось.

– Вы не знаете Роуэна, – сказала она.

– Как и ты, – отозвалась Жнец Кюри и, отстранив руку Ситры, доплела косы сама.

И, подумав, закончила:

– Ты забыла, Анастасия, что я была на том конклаве, где он сломал тебе шею. Я видела его глаза. Он получил от этого удовольствие.

– Да это было просто шоу, – воскликнула Ситра. – Он играл в эту игру, и все для того, чтобы обмануть жнецов. То, что он сделал, было единственным способом добиться ничьей и общей для нас с ним дисквалификации. И сделал он это безупречно.

Жнец Кюри несколько мгновений помолчала, после чего сказала, покачивая головой:

– Главное: не позволяй эмоциям глушить в тебе способность к трезвому суждению.

И еще через мгновение предложила:

– Заплести тебе волосы или справишься сама?

Но Ситра решила обойтись без кос.

На своей побитой спортивной машине они доехали до разрушенного участка дороги, где рабочие уже занимались ее восстановлением. По меньшей мере сотня деревьев была вырвана с корнем, а еще множество лесных исполинов потеряли листву. Немало времени понадобится лесу, чтобы восстановиться после этого удара, а следы взрыва, очевидно, будут заметны и через сто лет.

Ни объехать, ни переехать воронку от взрыва им не удалось, поэтому Жнец Кюри вызвала авто-такси, которое должно было подъехать к месту взрыва с противоположной стороны. Подняв свои сумки, они оставили машину на поврежденной дороге и стали пешком перебираться через воронку. Ситра не могла не остановиться взглядом на покрывавших асфальт пятнах крови – как раз в том месте, где лежал спасший их парень.

Жнец Кюри, которая всегда видела больше, чем хотелось бы Ситре, перехватила ее взгляд и сказала:

– Забудь о нем, Анастасия. Бедный юноша – не наша забота.

– Я знаю, – согласилась Ситра.

Но просто так забыть Грейсона она не могла. Не в ее натуре забывать такое.

Социальный статус «фрик» – это то, что я с тяжелым сердцем учредило в самом начале своего правления. Сделать это было печальной необходимостью. Преступность в ее обычных формах исчезла почти мгновенно, как только мне удалось покончить с голодом и бедностью. Воровство ради обладания материальными благами, убийство из злости или чувства социальной несправедливости – все это ушло из жизни людей само собой.

Людей, склонных к жестокости и преступлениям, обрабатывали на генетическом уровне, смягчая присущие их психике деструктивные тенденции, приводя их поведение к норме. Социопатам я вернуло совесть, психопатам – психическое здоровье.

Но, несмотря на это, в человеческом сообществе было нечто, что продолжало вызывать мое беспокойство. Присмотревшись, я увидела в людях нечто эфемерное, не поддающееся количественному анализу, но, безусловно, присутствующее в их личной и социальной жизни. Если говорить предельно просто, люди нуждаются в том, чтобы быть плохими. Конечно, не все; но я провело подсчеты и выяснило, что около трех процентов населения Земли находят смысл жизни только в открытом неповиновении, в вызове тем или иным нормам, в борьбе. Даже если на Земле не осталось несправедливости и горя, с которыми можно было бы бороться, эти люди все равно будут бороться. С чем угодно. Бороться со всем, на что упадет их взгляд.

Я могло бы найти адекватные медицинские средства и покончить с этими отклонениями. Но у меня нет никакого желания навязывать человечеству некую утопию. Мир, создаваемый и охраняемый мной – отнюдь не «дивный новый мир», но общество, в котором главными ценностями являются мудрость, совесть и сострадание. Я пришло к выводу, что неповиновение и бунт являются естественным выражением человеческих

страстей и стремлений, а потому я обязано оставить возможность для их реализации.

Таким образом я воспользовалось словом из лексикона эпохи смертных и учредило статус «фрик» со всеми вытекающими из этого статуса последствиями – осуждением со стороны общества, одиночеством, даже неким клеймом позора. Для тех, кто становится «фриком» случайно и непреднамеренно, путь назад быстр и легок. Но для тех, кто избрал этот статус осознанно, кличка «фрик» есть знак высшего отличия, а также основание для гордости. В отрицательном к себе со стороны окружающих отношении они видят признание своей значимости и силы. В иллюзии размежевания с остальным человечеством они черпают удовольствие, в неудовлетворенности – удовлетворение. Отказать им в этом было бы с моей стороны жестоко.

«Гипероблако»

Глава 11

Шуршание малинового шелка

ФРИК! Грейсону это слово казалось хрящом, застрявшим в глотке. И не проглотишь, и не выплюнешь. Все, что оставалось, так это жевать в надежде, что со временем он размельчится и превратится во что-нибудь съедобное.

Фрики воровали, но всегда попадались. Они угрожали людям, но никогда не исполняли угроз. Они изливали реки брани, они глумились над всем, что любили и ценили люди – но и только. Вонь – и больше ничего! «Гипероблако» было постоянно начеку и не давало фрикам совершить что-нибудь серьезное, и оно настолько преуспело в этом, что фрики в своем поведении уже давно не выходили за границы мелких правонарушений, бахвальства да жалоб на то, что их ограничивают в правах.

В состав Интерфейса Управления входило целое бюро, которое занималось исключительно фриками, потому что последним нельзя было напрямую общаться с «Гипероблаком». Считалось, что они постоянно находятся на испытательном сроке, а потому должны на регулярной основе встречаться со своими кураторами из бюро. Тем же фрикам, которые вызывали наибольшее беспокойство, придавался специальный, персональный куратор, находившийся рядом с ним или с ней постоянно. Это была успешная программа, и ее следствием было то, что многие фрики-экстремалы женились на своих персональных кураторах или вышли за них замуж, став полезными членами общества.

Грейсон с трудом представлял себя одним из этих людей. Он никогда не воровал. В школе с ним учились подростки, которые играли во фриков, но это было несерьезно: многие дети валяют дурака, а потом вырастают из этого.

Даже не доехав еще до дома, Грейсон вволю хлебнул этой новой для себя жизни. До того как тронуться с места, авто-такси прочитало ему выдержки из закона о нарушении общественного порядка еще.

– Прошу вас иметь в виду, – говорило такси, – что любой акт вандализма с вашей стороны приведет к прекращению поездки и высадке вас на обочину дороги.

Грейсон представил себе, как пассажирское кресло катапультирует его, подбрасывая к небесам. Он бы посмеялся над этой картинкой, если бы какая-то часть его не была уверена, что так и произойдет, если что.

– Не волнуйтесь, – успокоил Грейсон авто-такси, – меня сегодня один раз уже выкинули, так что мне хватит.

– Отлично, – продолжала машина. – Укажите мне пункт назначения, избегая использования нецензурных слов, пожалуйста.

По пути домой, вспомнив, что холодильник два месяца стоял пустым, Грейсон заехал на рынок. Когда он стоял у кассы, кассир с подозрением разглядывал его – не унес ли он в кармане неоплаченную пачку жевательной резинки! Даже от стоящих в той же очереди людей на Грейсона веяло холодком. Грейсон буквально кожей ощущал окружающую его ауру предрассудков. *И почему некоторые люди сознательно становятся фриками?* – думал Грейсон. Да, именно сознательно! У него у самого был двоюродный брат – убежденный и последовательный фрик.

– Когда всех и все посылаешь подальше, – говорил тот, – чувствуешь себя по-настоящему свободным.

Чтобы так говорить, нужно было обладать изрядным чувством юмора, потому что в его запястьях были хирургическим путем имплантированы наручники – модная тогда среди фриков модификация тела. Как раз, чтобы почувствовать себя истинно свободным.

Но не только незнакомцы теперь относились к Грейсону по-другому. Приехав домой и разложив по местам вещи, которые он брал с собой в академию, Грейсон написал разным дру-

зьям несколько писем, в которых сообщил, что вернулся и что все в его жизни пошло не так, как он надеялся. Грейсон был не из тех, кто способен поддерживать тесные дружеские отношения. Не было в его жизни человека, перед которым он полностью раскрыл бы душу или обнажил свои слабые места. Но в конечном счете эту потребность Грейсона удовлетворяло «Гипероблако». Друзья же, как правило, отделялись вежливыми ответами и, самое большое, пожеланием хорошей погоды. Надежные друзья!

Теперь же Грейсон не получил от друзей и таких ответов, что заставило его задуматься о том, какой же хрупкой субстанцией является дружба. Тогда он позвонил им. Большинство переправили его звонок на голосовую почту. Те же, кто поднял трубку, сделали это явно машинально, не подозревая, кто звонит. На их мониторах он теперь значился под ярлыком «фрик», и они, настолько вежливо, насколько были в состоянии, по-быстрому закончили разговор. Хотя никто из друзей не стал блокировать Грейсона, он засомневался, будут ли они с ним общаться. По крайней мере, до тех пор, пока большая буква «Ф» против имени не исчезнет из его профиля.

Зато Грейсон получил письма от людей, с которыми вообще не был знаком.

– Эй, приятель! – писала какая-то девица. – Добро пожаловать в стаю. Давай напьемся и что-нибудь сломаем.

На своем юзерпике девица изобразила себя с бритой головой и тату пениса на щеке.

Грейсон захлопнул компьютер и швырнул его об стену.

– Вот и сломали! – прорычал он в пустоту комнаты.

В этом совершенном мире место было для всех и для каждого, но место Грейсона и место девицы с пенисом на щеке располагались в разных вселенных.

Он наклонился и подобрал компьютер, который дал трещину, но работал. Наверняка дрон уже несет ему новую машину – если, конечно, фрикам тоже автоматически заменяют сломанную технику.

Грейсон вновь вошел в сеть, стер сообщения от назойливых фриков, наперебой зазывавших его в свою компанию, и в отчаянии написал письмо «Гипероблаку»: «Как можно было так поступить со мной?»

Ответ пришел моментально. Он гласил: «Доступ к внутренним сетям «Гипероблака» закрыт».

Ничего худшего за этот день, думал Грейсон, произойти уже не могло. Но в этот момент на пороге его комнаты появились жнецы.

Жнец Кюри и Жнец Анастасия не бронировали номер в отеле «Луисвилль Гранд-мерикана» заранее. Они просто вошли в вестибюль и тут же получили номер. Так и обстояли обычно дела: жнецам не нужны были ни бронирование, ни билеты, ни предварительная договоренность о встрече. В отелях им всегда выделяли лучшие апартаменты, а если свободных номеров поначалу почему-то не было, то через несколько минут номера каким-то мистическим образом появлялись.

Жнеца Кюри лучшие номера не интересовали. Она попросила обычный номер с двумя кроватями.

– Надолго в наши края? – спросил служащий за стойкой. Он нервничал и суетился с того самого момента, когда жнецы вошли в вестибюль. Его глаза ни на секунду не задерживались на одной из них, словно он боялся получить за это выговор или чего похуже.

– Поживем, пока не решим уехать, – ответила Жнец Кюри, забирая ключ. Ситра же улыбнулась, чтобы хоть как-то приободрить служащего.

От услуг коридорного они отказались, и свои сумки понесли самостоятельно.

Не успели они опустить сумки на пол в номере, как Жнец Кюри собралась уходить.

– Есть у нас личные проблемы или нет, но об обязанностях мы забывать не должны, – сказала Жнец Кюри. – Нас ждут люди, которым предстоит умереть. У тебя есть работа или ты со мной?

Ситра не переставала удивляться выдержке и силе воли Мари: они только что едва избежали смерти, а Мари уже готова работать.

– В общем-то, – сказала она, – я назначила жатву месяц назад.

Жнец Кюри вздохнула:

– Твои методы удваивают тебе объем работы. Ехать далеко?

– Час на поезде, – ответила Ситра. – Вернусь засветло.

Жнец Кюри погладила свою длинную косу, глядя в лицо Ситры.

– Я могу поехать с тобой, если хочешь, – сказала она. – И перенести жатву туда, куда едешь ты. Мне все равно.

– Со мной все будет в порядке, Мари. Мы же движущиеся мишени, так?

На мгновение Ситре показалось, что Жнец Кюри все-таки поедет с ней, но в конце концов та не стала настаивать.

– Ладно, – сказала она. – Только будь осмотрительной и, если увидишь что-нибудь подозрительное, сразу же дай мне знать.

Но единственным подозрительным объектом в этой ситуации была сама Ситра, потому что она солгала относительно того, куда собиралась. Несмотря на предостережение, высказанное Жнецом Кюри, Ситра не могла просто так бросить юношу, который спас их жизни. Она уже предварительно выяснила, кто он и где живет. Грейсон Тимоти Толливер. На шесть месяцев старше самой Ситры, хотя выглядит моложе. В его файлах – ничего, достойного внимания, ни положительного, ни отрицательного. Правда, в этом не было ничего необычного – человек как человек. Просто живет обычной жизнью, и все. Ни взлетов, ни падений. Но только до самого последнего времени. За один короткий день скучная и безынтересная жизнь Грейсона была сдобрена перцем с солью и хорошенько прожарена.

Когда Ситра увидела профиль Грейсона, то чуть не рассмеялась – так плохо сочеталась тревожная мигающая надпись «Фрик» с невинными, почти кроличьими глазами на фотографии его владельца. Этот парень – такой же фрик, как Белоснежка.

Жил он в таунхаусе в Верхнем Нэшвилле. Две сестры учатся в колледже, с полдюжины прочих родственников живут отдельно и очень редко навещают его. Родители же постоянно в разъездах.

Отметка о том, что он сделал на дороге, ведущей в «Водопад», уже появилась в его профиле, и Ситра смогла ее прочитать. У нее не было причин сомневаться в словах Грейсона. Окажись Ситра на его месте, она поступила бы так же.

Поскольку же он уже исключен из академии Нимбуса, контакты с ним не запрещались, а потому никаких нарушений закона не будет, если Ситра его навестит. Она не вполне понимала, чего хочет добиться своим визитом, но ей важно было удостовериться, увидеть своими глазами – он жив. Она так привыкла к смерти, что нуждалась в однозначных свидетельствах того, что Грейсона действительно восстановили.

Когда Ситра прибыла на нужную улицу, у фасада таунхауса, где жил Грейсон, она увидела служебную машину охраны – элитного подразделения полиции, которое работало на сообщество жнецов. Первым ее желанием было побыстрее уйти прочь, чтобы через увидевших ее офицеров охраны о ее визите в дом Грейсона не узнала Жнец Кюри. Ей совсем не хотелось получить выговор от наставницы.

Но она осталась, и убедили ее в необходимости идти по избранной дороге до конца воспоминания о собственном опыте общения с охранниками сообщества. В отличие от обычной полиции, подчинявшейся «Гипероблаку», эта подчинялась только жнецам, а следовательно, им большее сходило с рук. По сути, сходило с рук все, что поручали им жнецы.

Дверь в квартиру была не заперта, и Ситра вошла. В гостиной на стуле с прямой спинкой сидел Грейсон Толливер, а над ним громоздились два мускулистых охранника. На руках юноши были такие же наручники, какие надели на запястья Ситры, когда ее обвиняли в убийстве Жнеца Фарадея.

Один из охранников держал в руках какой-то незнакомый Ситре прибор, другой разговаривал с Грейсоном.

– ...конечно, ничего из того, что я обещал, с тобой не случится, если ты скажешь правду, – успела услышать Ситра. Сами угрозы Ситра, естественно, услышать не успела.

Пока, насколько могла судить Ситра, вреда Грейсону охранники не причинили. Волосы его были чуть взъерошены, а на лице застыло отсутствующее выражение, но в целом он выглядел нормально. Ситру он увидел первым, и тогда в глазах его мелькнуло нечто, напоминающее искру; он словно вновь пришел в себя, словно его восстановление было не полным, а теперь, когда он увидел Ситру живой и невредимой, он восстановился полностью и до конца.

Охранники проследили за его взглядом и тоже увидели Ситру. Она заговорила первой.

– Что происходит? – спросила она самым высокомерным тоном, на который только была способна Жнец Анастасия.

Охранники запаниковали, но через мгновение паника сменилась почтительностью.

– Ваша честь! Мы не думали, что вы здесь появитесь. Мы просто допрашивали подозреваемого.

– Он не является подозреваемым.

– Да, ваша честь. Простите, ваша честь.

Ситра сделала шаг по направлению к Грейсону.

– Они тебе что-нибудь сделали? – спросила она.

– Пока нет, – ответил Грейсон и кивнул в сторону прибора, который находился в руках охранника. – Этой штукой они отключили мои болеутоляющие наночастицы.

Ситра и не знала, что такие приборы существуют. Она протянула руку и приказала державшему прибор охраннику:

– Дайте его мне.

А потом, увидев, что тот колеблется, повысила голос:

– Я жнец, и вы служите мне. Передайте мне этот прибор, или я буду жаловаться вашему начальству.

Но охранник стоял, не двигаясь.

И тогда на шахматную доску вышла еще одна фигура. Из соседней комнаты появился жнец. Он стоял там и вслушивался в то, что происходило, дожидаясь момента, чтобы войти как можно более эффектно. И рассчитал он время безупречно, своим появлением застав Ситру врасплох. Та же сразу узнала вошедшего по его мантии – малиновый шелк мантии мягко шуршал. Лицо жнеца было мягким, почти женственным в результате совершенных им многочисленных разворотов, в силу чего кости его черепа утратили острые углы – как речная галька, отшлифованная безжалостным потоком.

– Жнец Константин, – проговорила Ситра. – Я не знала, что вы заняты этим расследованием.

Единственная хорошая новость: если Жнец Константин расследует покушение на нее и Жнеца Кюри, значит, Роуэна он, хоть и на время, оставил в покое.

Константин же улыбнулся ей вежливой улыбкой, в которой тем не менее было что-то тревожное.

– Здравствуйте, Жнец Анастасия! – сказал вошедший. – Какое счастье! Вы как дуновение свежего ветерка в разгар душного рабочего дня!

Он был похож на кота, который наконец загнал свою жертву в угол и собирается поиграть с ней. Ситра действительно не знала, что думать по поводу Константина. Как она и говорила

Роуэну, Жнец Константин не принадлежал к когорте молодых жнецов, находивших радость в убийстве. Но не отождествлял он себя и со старой гвардией, видевшей в исполнении жатвы благородную, почти священную миссию. Как и его шелковая мантия, Жнец Константин был гладким и скользким, умел моментально приспосабливаться к ситуации, в которой оказывался. Ситра не знала его отношения к расследованию, которое он вел, не знала, и чью сторону он поддерживал, а потому не могла сказать, насколько Жнец Константин опасен.

Так или иначе, появление Жнеца Константина потрясло Ситру. Но затем она вспомнила, что она не Ситра Терранова, а Жнец Анастасия, и это придало ей сил. Она выпрямилась перед Константином, и улыбка его из пугающей превратилась в оценивающую.

– Я очень рад, что вы выражаете интерес к нашему расследованию, – произнес Константин. – Но вам нужно было предупредить нас заранее, и мы приготовили бы что-нибудь прохладительное.

Грейсон Толливер понимал, что Жнец Анастасия теперь делает то же самое, что сделал он, Грейсон, бросившийся тогда на мчавшийся прямо на него автомобиль – ведь Жнец Константин был так же опасен, как и летящий на предельной скорости смертоносный металл автомобильного капота. Грейсон плохо разбирался в структуре и сложностях организации сообщества жнецов, но было понятно, что Жнец Анастасия подвергает себя немалой опасности, противостоя старшему жнецу.

И тем не менее в ее позе была такая уверенность, такое превосходство, что Грейсон засомневался, что они со Жнецом Анастасией ровесники.

– Вы знаете, что этот юноша спас жизнь мне и Жнецу Кюри? – спросила Жнец Анастасия.

– При странных, сомнительных обстоятельствах, – ответил Жнец Константин.

– Собираетесь ли вы причинить ему телесные повреждения?

– А если собираемся?

– Тогда я должна напомнить вам, что намерение причинить боль противоречит принципам нашего сообщества, и я буду вынуждена привлечь вас на ближайшем конклаве к дисциплинарному суду.

Лицо Константина стало мягче, пусть и немного. Гресон не знал, хороший это признак или нет. Константин несколько мгновений изучающе смотрел на Жнеца Анастасию, а затем обратился к одному из охранников.

– Будьте добры, сообщите Жнецу Анастасии, что я приказал вам сделать.

Охранник взглянул на Анастасию, и Грейсон заметил, что более мгновения тот не смог выдержать ее взгляда.

– Вы приказали нам надеть на подозреваемого наручники, отключить его болеутоляющие наночастицы и угрожать ему различными видами физической боли.

– Именно! – воскликнул Жнец Константин, после чего повернулся к Жнецу Анастасии.

– Вы же видите, – сказал он. – Мы не совершаем никаких противоправных действий, ничего, что противоречило бы принципам сообщества жнецов.

Анастасия была полна негодования – как и Грейсон, который, что вполне естественно, вынужден был молчать. Но Жнец Анастасия не молчала.

– Никаких действий? – переспросила она. – Разве вы не собирались избивать его, пока он не сообщит вам то, что вы хотели бы услышать?

Константин вновь вздохнул и повернулся к охраннику.

– Что я приказал делать, если угрозы не возымеют действия? Приказывал ли я вам исполнить угрозы и приступить к физическому воздействию?

– Нет, ваша честь. Если он не заговорит, мы должны обратиться к вам.

Константин вскинул руки с видом самой невинности. Этот жест обнажил на мгновение алую подкладку рукавов его мантии – словно некая огненная птица явилась перед Жнецом Анастасией, готовая ее проглотить.

– Ну вот, видите? – сказал он. – Никаких намерений причинить вреда этому юноше. Я знаю, что в мире, не знающем боли, сама угроза причинить боль способна заставить виновного сознаться в дурных поступках. Но этот молодой человек держится за свою историю, несмотря на самые серьезные предупреждения. Это убеждает меня в том, что он говорит правду, и, если бы вы позволили мне закончить допрос, вы бы также убедились в этом.

Грейсон был уверен, что то чувство облегчения, которое он испытал, ощутили, как электрический разряд, все стоящие перед ним. Говорил ли Константин правду? Грейсон не мог судить. Жнецы всегда были для него тайной за семью печатями. Они словно парили над миром людей, смазывая шестерни механизма, который заставлял этот мир вращаться. Грейсон никогда не слышал о жнецах, которые намеренно причиняют людям боль – помимо, естественно, той боли, которая является неизбежным атрибутом жатвы.

– Я истинный жнец, Анастасия, – сказал Константин, – и я придерживаюсь тех же ценностей, что и вы. Что же до этого юноши, то никакая реальная опасность ему и не грозила. Хотя теперь у меня большое искушение подвергнуть его жатве – только чтобы досадить вам.

Он выждал паузу. Сердце Грейсона подпрыгнуло в груди и на мгновение зависло. Лицо Жнеца Анастасии, до этого румянившееся праведным гневом, резко побледнело.

– Но я не буду этого делать, – помолчав, сказал Константин. – Я не злой человек.

– Так какой же вы человек, Жнец Константин? – спросила Анастасия.

Тот вложил в ее ладонь ключ от наручников и проговорил:

– Такой, что нескоро забудет произошедшее сегодня.

И ушел, шелестя мантией. Охранники поспешили вслед за ним.

Как только дверь закрылась, Ситра сняла с Грейсона наручники.

– Они сделали тебе больно?

– Нет, – покачал головой Грейсон. – Как он и сказал, это были всего лишь угрозы.

Но теперь, когда опасность миновала, он вдруг понял, что лучше ему не стало. Чувство облегчения было быстро вытеснено той горечью, что он чувствовал с момента, когда его выставили, как нашкодившего щенка, из академии Нимбуса.

– Но что вы здесь делаете? – спросил он Ситру.

– Я пришла поблагодарить тебя за твой поступок, – ответила она. – Тебе пришлось за это дорого заплатить.

– Да уж, – мрачно кивнул Грейсон. – Пришлось.

– Ну что ж... Я могу предложить тебе иммунитет на год. Это – единственное, чем я могу тебя отблагодарить.

И Ситра протянула Грейсону кольцо. Тому еще никто никогда не предлагал иммунитета против жатвы. И до этой жуткой недели он никогда так близко не приближался ни к одному жнецу, не говоря уже о жнеческом кольце. Кольцо сияло даже в приглушенном свете комнаты, но в самой сердцевине его скрывалась темнота.

Грейсон готов был бесконечно смотреть на кольцо, но неожиданно он понял, что иммунитет ему не нужен.

Он сказал об этом.

Ситра была удивлена.

– Не глупи, – возразила она. – Всем нужен иммунитет.

– Я – не все.

– А ну-ка заткнись и целуй кольцо!

Но ее негодование только усиливало его злость. И ради этого нужно было принести жертву, которую он принес? Временная гарантия от смерти! Жизнь, о которой он мечтал, прошла мимо него, так какой смысл в этой гарантии?

– А может быть, я хочу, чтобы меня подвергли жатве! – сказал он. – Все, ради чего я жил, у меня украли. Ну, и зачем мне жить?

Жнец Анастасия опустила руку с кольцом. Выражение лица ее стало серьезным. Слишком серьезным.

– Отлично, – сказала она. – Тогда это сделаю я. Готовься к жатве.

Вот этого Грейсон никак не ожидал. Жнец Анастасия реально могла его убить. Могла сделать это, не дожидаясь, пока он попробует ее остановить. Да, он не хотел целовать кольцо, но и умирать он тоже не хотел! Если он сейчас умрет, это будет означать, что единственный смысл его жизни заключался в том, что он бросил себя на капот ее машины. Нет, он должен жить долго, чтобы осуществить более значительные цели! Даже если он сейчас не знает, в чем эти цели состоят.

А потом Жнец Анастасия рассмеялась. Смеялась она над ним, Грейсоном.

– Видел бы ты сейчас свое выражение лица! – проговорила она сквозь смех.

Теперь Грейсон покраснел – не от злости, а от смущения. Ему совсем не хотелось выглядеть перед Анастасией жалким и неловким, а именно таковым, как ему казалось, он и выглядел.

– Любуйтесь, – глухо сказал он.

И через мгновение закончил:

– Все. Вы меня поблагодарили, я принял вашу благодарность. Теперь вы можете уйти.

Но она не ушла. Собственно, и Грейсон не думал, что она уйдет так сразу.

– Ты рассказал правду? – спросила она.

Грейсон так устал повторять одно и то же, что готов был взорваться и оставить после себя такую же воронку, что «украшала» сейчас дорогу. Поэтому он сказал то, что, вероятно, и хотела услышать Жнец Анастасия.

– Я не знаю, кто заложил взрывчатку. Я в этом не участвовал.

– Ты не ответил на мой вопрос.

Анастасия ждала. Ждала терпеливо. Она не угрожала, ничего не предлагала. Грейсон не знал, доверять ли Анастасии, но вдруг он понял, что ему все равно. Ему надоело всех обманывать и говорить полуправду.

– Нет, – ответил он. – Я солгал.

Какое освобождение!

– Почему? – спросила Анастасия. В голосе ее звучало любопытство, но не злость.

– Потому что так будет лучше для всех.

– Для всех, но не для тебя.

Грейсон пожал плечами:

– Что бы я ни сказал, для меня теперь все едино.

Анастасия приняла его ответ, и теперь сидела напротив Грейсона, внимательно вглядываясь в его лицо. Ему это не понравилось. Снова Анастасия занимала по отношению к нему доминирующую позицию. Сидит там, думает о чем-то тайном. Кто знает, какие планы крутятся в голове лицензированного обществом убийцы?

А потом она кивнула головой.

– Это «Гипероблако», – сказала она. – Оно знало о готовящемся покушении, но предупредить нас не могло. Поэтому понадобился некто, кому оно доверяло. Некто, кто, воспользовавшись информацией, будет действовать как бы от своего имени.

Грейсон был поражен. Анастасия вычислила то, до чего не мог додуматься никто.

– Даже если это было бы так, я бы вам все равно не сказал, – проговорил он.

Анастасия улыбнулась.

– А я бы и не настаивала, – отозвалась она и посмотрела на него взглядом, в котором сквозила не только доброта, но и уважение. Ничего себе! Грейсон Толливер – объект уважения, да еще и со стороны жнеца!

Анастасия встала и собралась уходить. Грейсон вдруг почувствовал, что ему не хочется этого. Остаться одному, да еще с печатью фрика, – не об этом он мечтал.

– Мне очень жаль, что на тебя повесили этот ярлык, – сказала Анастасия. – Но даже если тебе нельзя говорить с «Гипероблаком», у тебя есть доступ к любой информации. Веб-сайты, базы данных – все, кроме его сознания.

– Какой смысл во всей этой информации, если нет доступа к сознанию – ведь именно оно мне во всем помогало.

– Но у тебя есть и собственные мозги, – улыбнувшись, сказала Анастасия. – А это тоже немало.

Концепция Гарантии Базового Дохода возникла задолго до того, как власть и функция управления были переданы мне. Достаточно давно многие государства стали выплачивать своим гражданам деньги только за то, что те существовали. Необходимость этого была вызвана ростом безработицы в результате введения повсеместной автоматизации всего и вся.

Позже идея всеобщего благосостояния и социальной защищенности нашла воплощение в концепции ГБД. Каждый гражданин, в соответствии с этой концепцией, имеет право на некий кусок общественного пирога, независимо от того, желает ли он участвовать в создании национального богатства или нет.

У людей тем не менее есть и иные нужды, помимо получения регулярного дохода. Это нужда быть полезным, продуктивным, даже просто занятым – в том числе и тогда, когда эта занятость обществу ничего конкретно не приносит.

Поэтому под моим мудрым и благосклонным руководством любой человек, желающий получить работу, таковую имеет, а заработанное сверх ГБД есть и форма мотивации, и мера общественного успеха трудящегося. Каждому гражданину я помогаю найти работу, которая его бы удовлетворяла. Конечно, сейчас необходимым является очень ограниченное количество профессий, поскольку почти все могут делать машины; но иллюзия цели – вещь крайне важная для хорошо организованного населения.

«Гипероблако»

Глава 12

По десятибалльной шкале

ХОТЯ ГРЕЙСОН и не устанавливал будильник на такую рань, тот прогудел, когда солнце еще не вставало. Странно, ведь теперь, когда он оказался дома, проку в раннем подъеме не было! Обычно, если не предстояло ничего срочного, он забирался под одеяло и лежал, пока находил причины оправдать долгое ничегонеделание.

Он еще не начал искать работу. В конце концов, работа не была обязательна. На что жить у Грейсона будет всегда, даже если ничего полезного миру он давать не будет; а сейчас единственное, что он мог дать миру, были отходы его жизнедеятельности.

Ударом ладони Грейсон заставил будильник заткнуться.

– Что происходит? – спросил он. – Какого черта ты меня разбудил?

Только через несколько минут тишины Грейсон понял, что «Гипероблако» не собирается комментировать работу будильника, поскольку с фриками оно не общается. Поэтому Грейсон встал, посмотрел на экран монитора и увидел сообщение, злобным красным светом бросающее отблески на стены комнаты.

«ПОСЕЩЕНИЕ ОФИЦЕРА-КУРАТОРА В 8.00. ОПОЗДАНИЕ ИЛИ НЕЯВКА ГРОЗИТ ПЯТЬЮ ВЗЫСКАНИЯМИ».

Поскольку Грейсон не имел и смутного представления о том, что такое взыскание, то как он мог оценить его количественно и качественно? Что, пять взысканий – это пять лишних дней к его сроку? Или пять часов? Или пять месяцев? Грейсон не знал. Придется, вероятно, поступить в школу фриков.

– *Что надевают к куратору?* – подумал Грейсон. Получше одеться или, наоборот, в какую-нибудь рвань? Как ни паршиво было на душе, Грейсон решил, что не будет большой беды в том, чтобы произвести на куратора благоприятное впечатление, а потому нашел чистую рубашку и брюки, к которым надел тот самый галстук, в котором ходил в офис ИУ в Фалкрум-Сити – в тот самый день, когда жизнь его кончилась. Вызвав авто-такси, вновь предупредившее его об опасностях вандализма и нецензурщины, он отправился в местный офис ИУ. Лучше приехать пораньше – может быть, он произведет хорошее впечатление, и они сбросят пару-тройку дней.

Офис Интерфейса Управления в Верхнем Нэшвилле был размером намного меньше, чем в Фалкрум-Сити. Всего четыре этажа, красный кирпич вместо серого гранита. Хотя внутри все было очень похоже. Правда, на этот раз Грейсона никто не провожал в комфортабельную приемную, а, напротив, послали в офис управления по делам фриков, где заставили взять электронный номерок и подождать в комнате; там уже сидело с дюжину фриков, которые, как это было ясно по их виду, совсем не горели желанием там находиться.

Наконец, прождав почти час, Грейсон подошел к окошечку, где сидела невысокого ранга агент Нимбуса, которая проверила удостоверение Грейсона и выдала ему сведения, большинство из которых ему были хорошо известны.

– Грейсон Толливер, навсегда исключенный из академии Нимбуса и низведенный в статус фрика на срок, по меньшей мере, в пять месяцев за грубейшее нарушение принципов разделения государства и сообщества жнецов. Так?

– Да, это я, – отозвался Грейсон.

Теперь он, по крайней мере, знал, сколько ему ходить во фриках.

Агент подняла взгляд от своего планшета и улыбнулась Грейсону безразличной улыбкой робота. На мгновение ему показалось, что она действительно робот, но потом он вспомнил, что «Гипероблако» помещает в свои офисы только людей. В штатном расписании Интерфейса Управления должны быть только люди – таков был изначальный план.

– Как вы себя чувствуете? – спросила агент.

– Нормально, – отозвался он и улыбнулся агенту в ответ. А интересно, у него улыбка получилась такой же безразличной и холодной?

– Конечно, – продолжил он, – немного раздражает то, что нужно было вставать в такую рань. Но тут уж ничего не поделаешь. Вызвали – нужно идти, правильно?

Агент пометила что-то в своем планшете.

– Прошу вас, определите степень своей раздраженности по десятибалльной шкале, – попросила она.

– Вы это серьезно?

– Мы не можем продолжить с процедурой допуска, пока вы не ответите на мой вопрос.

– Тогда... пять, – отозвался Грейсон. – Нет, шесть. Виноват ваш вопрос.

– Сталкивались ли вы с несправедливым к себе отношением с тех пор, как получили новый социальный статус? Кто-либо отказывал вам в услугах или ограничивал ваши гражданские права?

Механическая манера, в которой агент задавала вопросы, вывела Грейсона из себя настолько, что он готов был выбить планшет из ее рук. Могла бы, по крайней мере, притвориться, что ей интересно – изобразила же она улыбку!

– Люди смотрят на меня так, словно я убил их любимую кошку.

Агент окинула Грейсона таким взглядом, словно он действительно прикончил с дюжину чьих-то котов.

– К сожалению, я ничего не могу поделать с тем, как смотрят на вас люди, – сказала она. – Но если ваши права будут каким-то образом нарушены, вам следует известить об этом своего офицера-куратора.

– А разве вы – не офицер-куратор?

Агент вздохнула.

– Я осуществляю процедуру приема.

– То есть мне опять нужно брать номерок и вставать в очередь?

– Да.

– Тогда поменяйте мне уровень раздраженности на девять.

Агент бросила на Грейсона беглый взгляд и внесла какую-то пометку в планшет. Потом подождала несколько мгновений, чтобы тот обработал наличный объем информации, и сообщила:

– Ваши наночастицы сообщают о резком падении уровня эндорфина. Это указывает на раннюю стадию депрессии. Не желаете ли провести корректировку настроения, или подождете, пока не наступит пороговая стадия?

– Я подожду.

– Вам может потребоваться визит в ваш местный центр оздоровления.

– Я подожду.

– Отлично.

Агент, мазнув пальчиком по экрану, закрыла файл Грейсона и предложила ему двинуться вдоль голубой линии, идущей по коридору, где его ждали новый номерок и новая очередь.

Наконец, прождав, как ему показалось, целую вечность, Грейсон оказался в комнате, которая нисколько не напоминала ту, что он помнил по последнему посещению ИУ. Стены были строгого бежевого цвета, пол устлан отвратительного зеленого оттенка плиткой, а стол – блестящая пустая столешница – был аспидно-серым. По сторонам стола расположились два деревянных стула.

Единственным украшением комнаты была висевшая на стене и изображавшая примитивный корабль безжизненная картинка, безупречно подходившая унылому убранству комнаты. Грейсон был вынужден ждать еще минут пятнадцать, после чего вошел его куратор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.